

Митрополитъ Московскій Макарій (Булга- ковъ) какъ проповѣдникъ.

III.

Издавна гомилетическая критика усвоила себѣ два начала, съ которыми она приступаетъ къ разсмотрѣнiю и съ точки зрѣнiя которыхъ она цѣнитъ всякаго проповѣдника: это вопросъ о внѣшнихъ особенностяхъ проповѣди и вопросъ о содержанiи проповѣди. Что же должно сказать о проповѣдничествѣ Макарія въ этомъ отношенiи? — Прежде всего должно сказать, что Макарій есть проповѣдникъ по преимуществу *содержанiя*, а не *внѣшности*, *формы* проповѣди. Выдѣляясь въ содержанiи своихъ проповѣдническихъ идей, Макарій, можно сказать, почти не выдѣлялся отъ множества другихъ, и совсѣмъ неравнымъ ему по таланту, проповѣдниковъ во внѣшности его проповѣди, въ его пріемахъ проповѣданiя: здѣсь все такъ просто, все такъ обыкновенно, что представляется, что рѣшительно всякій сдѣлалъ бы тоже самое, стоитъ лишь взяться за перо и бумагу! Онъ, повидимому, даже и не заботился о томъ, чтобы хотя нѣсколько придавать своей рѣчи эстетическаго элемента, на что указываетъ уже то, что у него часто встрѣчаются наши обычные: „сегодня“ или „нынѣ чтенное“. Къ слову замѣтимъ: приходилось слышать, что заурядность проповѣди Макарія вообще (т. е. со всѣхъ сторонъ) такова, что будто бы только по надписанiю имени автора приходится вѣрить, что иная изъ проповѣдей принадлежитъ свѣтилу русской церкви. Но къ этому обманчивому выводу и можетъ привести ничто иное, какъ только отсутствiе у Макарія притязательности на всякое украшенiе во внѣшности, на всякій блескъ, на всякую оригинальность. Макарій съ этой стороны напоминаетъ того „прозаическаго человѣка“

въ проповѣди, о которомъ говорилъ Филаретъ, разумѣя и называя таковымъ прежде всего себя самого, и который въ проповѣди „прежде всего за логику и грамматику“. Такое отсутствіе эстетическаго начала и видимое равнодушіе къ нему у Макарія, конечно, обуславливается или по крайней мѣрѣ согласуется съ тѣмъ его гомилетическимъ принципомъ, о которомъ мы говорили: что каждая въ отдѣльности проповѣдь есть непремѣнно урокъ, а въ общахъ — проповѣдничество есть неуступное наставленіе („мои наставленія“). Но вѣдь урокъ прежде всего требуетъ удобопонятности и наставительности, и хорошій учитель можетъ быть и не краснорѣчивымъ, не эффектнымъ учителемъ: напротивъ — совершенно спокойнымъ, а въ извѣстной степени даже равнодушнымъ: эстетическіе приемы не входятъ въ его задачи. Отсюда, у Макарія мы почти не найдемъ этихъ единичныхъ и единоокончаній, которыя встрѣчаются у другихъ проповѣдниковъ, выступившихъ на проповѣдническое поприще въ первой половинѣ текущаго столѣтія; нѣтъ разсчитываемыхъ на то, чтобы приковать вниманіе слушателя необычною дѣла, неожиданными вопросамъ, кои ставитъ тотъ же Иннокентій ¹⁾. Нѣтъ тѣхъ, можно сказать, блестящихъ аптитезовъ, которые встрѣчаются, говоря относительно, въ изобиліи, напримѣръ, у Филарета, но блестящихъ не въ словесномъ отношеніи, а въ томъ, что часто они дѣйствительно поражаютъ существо мыслящее и чувствующее, поражаютъ силою той правды, которая проповѣдникомъ какъ бы вызывается наружу чрезъ эти противоположенія, правды, которая какъ бы закрыта бываетъ привычнымъ образомъ представленія и пониманія;—нѣтъ даже того, освященнаго примѣромъ св. Григорія Богослова, приема игры словами, который былъ усвоенъ и Филаретомъ. Это не значитъ однако, чтобы у Макарія не было страницъ высокаго одушевленія; такихъ страницъ даже много, но онъ какъ будто стѣснялся выставлять свою чувствующую душу предъ слушателями, опять потому, вѣроятно, что храмъ есть мѣсто ученія, гдѣ первѣе должны выступать предъ

¹⁾ Таково извѣстное начало одной проповѣди Иннокентія: „слышали ли вы громъ? видѣли ли вы молнію? Эта молнія сверкнула здѣсь!“ и проч. Сочиненія, изд. Вольфа, т. I. стр. 523.

слушателями не личность проповѣдника, а глаголы живота вѣчнаго ²⁾: теорія проповѣди, которую, пожалуй, трудно будетъ осудить по причинѣ безчисленныхъ злоупотребленій, иногда бессознательныхъ, противниковъ ея, часто лишь оглушавшихъ слушателей выкрикиваніями о глубинѣ своего чувства!—Проповѣди Макарія, за тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ ихъ не длинны, если о нѣкоторыхъ не должно будетъ сказать прямо, что онѣ коротки ³⁾. Не длинныя рѣчи

²⁾ Предметы, которые вызвали у Макарія страницы и слова особаго одушевленія, кажется, сами по себѣ показываютъ, что сильное одушевленіе у Макарія не значить ни многократнаго употребленія аховъ и оховъ, „сего прабѣжца посредственныхъ ораторовъ, старающихся все пустяка мѣста своей рѣчи заполнить“ симъ всеѣмъ доступнымъ средствомъ, — ни искусственной салтиментальности, старающейся ничтожное событіе или мысль растянуть до значенія всечеловѣческаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какіе предметы видимо вызвали у проповѣдника особое одушевленіе: слово въ Великій пятокъ (вѣроятно, по его краткости названное рѣчью) 1868 года, въ эпоху самарскаго голода. Главная мысль слова: „нынѣ Христосъ вопіеть если не жажду, то аму, не самъ непосредственно, но милліонами устъ своихъ меньшихъ братій“ (Слова, 1881, 688—689). Рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, когда „возлюбленный Монархъ изрекъ христіанамъ высокую и человѣколюбивую мысль объ улучшеніи быта крестьянъ“ (ibid. 420—424).—Рѣчь до проченіи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, когда, говорилъ проповѣдникъ, „предъ нами совершается одно изъ величайшихъ событій“ въ предѣлахъ земли русской, которому долженъ сочувствовать всякій „во имя чловѣчества, во имя христіанства“ (ibid. 485—486).—Слово о содѣйствіи счастью ближнихъ, ibid. 445—450, гдѣ ставится, между прочимъ, вопросъ: „зачѣмъ снѣдаемъ другъ друга?“—Слово въ день столѣтняго юбилея Крылова (ib. стр. 687 и др.), гдѣ проповѣдникъ призываетъ „возращать въ себѣ чувство любви къ отечеству“, изъ инстинктивнаго дѣлая его сознательно-разумнымъ.—Въ самой догматикѣ его, въ тѣхъ параграфахъ, гдѣ онъ дѣлаетъ нравственные выводы и практическія приложенія, много мѣстъ, исполненныхъ чувства и одушевленія, и это даже въ самомъ заключительномъ параграфѣ науки о догматѣ, трактующемъ о томъ, чѣмъ „окончится все домостроительство нашего спасенія“ — о извоздаяніи (ч. V, § 175). Параграфъ и слѣдов. вся догматика заключается молитвою о дарованіи памятованія о вѣчномъ извоздаяніи.

³⁾ Печатный текстъ проповѣди для того, чтобы быть мѣрою величины ея, конечно, бываетъ не всегда надеженъ безотносительно; но для того, чтобы судить относительно, примемъ во вниманіе слѣдующее: изъ всѣхъ изданныхъ проповѣдей Макарія 135 проповѣдей (разумѣя въ томъ числѣ и такъ называемыя рѣчи) занимаютъ каждая пять и менѣе страницъ печатнаго текста; 32 проповѣди—отъ шести до семи страницъ; 13 проповѣ-

положительно сдѣлались у него преобладающими со времени его самостоятельнаго епископскаго служенія въ Тамбовѣ; а самыя длинныя падаютъ по преимуществу на молодые годы его жизни, т. е. на сороковые годы, или же бывали сказываемы по такимъ случаямъ, по которымъ краткая рѣчь могла бы казаться недостаткомъ вниманія къ событію, заслуживающему такового вниманія: наиболѣе длинными являются слова на царскіе дни и слова надгробныя. Но эта преобладающая краткость собесѣдованій Макарія у него не есть показатель недостаточности вниманія къ дѣлу, какъ это можно, пожалуй, подумать припоминая его всегдашнюю занятость другими дѣлами. Иѣтъ, у Макарія это состоитъ въ связи опять съ его гомилетической теоріей: припомнимъ, что, если проповѣдь есть *урокъ* (а не академическая рѣчь); то урокъ требуетъ того, чтобы сообразоваться съ мѣрою восприимлемости слушателя, выслушавшаго, при томъ, не краткое богослуженіе, чувства котораго, по крайней мѣрѣ слушателя внимательнаго, были уже прежде проповѣди въ молитвенномъ сосредоточеніи; обычай, при томъ, сдѣлалъ въ нашей практикѣ употребительными проповѣди не разбиваемыя на нѣсколько частей¹⁾: припомнимъ это, и—мы должны будемъ согласиться съ Макаріемъ, что наши проповѣди „по необходимости кратки“, таковыми часто и должны быть, равно какъ поймемъ и его вниманіе къ тому, видимому, ничтожному вопросу, когда дѣло шло о произнесеніи чужихъ проповѣдей, вопросу о томъ велики они или же нѣтъ²⁾. И если уже Златоустъ сообразовался съ тѣмъ, чтобы „продолжительностію бесѣды не быть въ тягость слушателю“: то странно было бы русскому проповѣднику (конечно желающему на себя, а Христа проповѣдывать) закрывать глаза на то, что иногда выходитъ изъ длинныхъ проповѣдей, — тѣмъ болѣе, что несообразность нашей практики первой половины текущаго столѣтія въ этомъ отношеніи, можно сказать, бросалась въ глаза. Позволимъ себѣ

дей—отъ восьми до девяти; 19 проповѣдей—по десяти страницъ; и только 8 проповѣдей—выше десяти, но не свыше тринадцати страницъ и то скорѣе принаго, чѣмъ мелкаго шрифта.

¹⁾ Примеры обратной практики—не многочисленны.

²⁾ См. воспоминанія о. архим. Григорія.

здѣсь привести слѣдующій случай: одинъ изъ проповѣдниковъ представилъ въ Московскую цензуру проповѣдь въ семьдесятъ страницъ. Митрополитъ Филаретъ откровенно написалъ высокопоставленному проповѣднику: „что за проповѣдь въ 70 страницъ? Кто могъ ее выслушать? А если это нѣсколько проповѣдей: то зачѣмъ обманывать православный народъ и называть ее одною“⁶⁾? Макарій очевидно не желалъ подобныхъ щекотливыхъ вопросовъ. Можетъ быть, должно прибавить, учащенное проповѣданіе, сдѣлавшееся у насъ болѣе обычнымъ съ половины пятидесятихъ годовъ, совершенно незамѣтно вело къ тому, что и вообще русская проповѣдь дѣлалась естественнѣе, а потому и ближе къ нормѣ въ отношеніи продолжительности⁷⁾.

О проповѣданіи Макарія въ отношеніи къ такъ называемому произношенію мы уже отчасти упоминали, именно — что это не было чтеніе проповѣдей, а *рѣчь* проповѣдующаго. Но въ то же время это не была и та *рѣчь*, которую называютъ иногда импровизованной, по которую иногда бываетъ справедливѣе называть необдуманной. Какъ мы

⁶⁾ Дѣло было въ 1833 году, См. письма къ Гавріилу Тверскому въ издан. Пресвящ. Саввы, Тверь, 1898, ч. I. стр. 67. Въ половинѣ шестидесятихъ годовъ Филаретъ, въ письмѣ къ пресв. Саввѣ, слѣдующимъ образомъ рассуждалъ о продолжительности проповѣди: „не шипете, говорили ли Вы поученіе или поученія. А это желательно. Если время не благопріятствуетъ протяженному слову: и краткое можетъ принести пользу. *Народъ нашъ не довольно настроянъ къ протяженному и продолжительному вниманію: краткое, близкое къ разумѣнію и къ сердцу слово оны беретъ и, не роняя, уноситъ“*, 170. 169.

⁷⁾ Во многихъ случаяхъ, должно прибавить впрочемъ, примѣръ болѣе естественной продолжительности церковнаго слова еще въ сороковыхъ годовъ подавалъ Иннокентій Борисовъ. Но вообще преданія русской проповѣди были не за краткость проповѣди, и это, можетъ быть, потому, что русская проповѣдь новаго времени развивалась главнымъ образомъ въ видѣ проповѣди торжественно-официальной (такъ назыв. чреда проповѣданія Слова Божія въ Петербургѣ, кафедральные соборы, проповѣди по торжественнымъ, случаямъ), почему не удивительно, что здѣсь она принимала оттѣнки академическихъ (по силѣ возможности, конечно) рѣчей, что затѣмъ, по закону подражанія, находило приложеніе и въ самыхъ отдаленныхъ, совсѣмъ не академическихъ углахъ. Напримѣръ (опять случай изъ практики Филарета) священникъ въ катехизическихъ поученіяхъ въ чувашскомъ Поволжьи о литургіи приводитъ свидѣтельство Плинія! Безъ сомнѣнія, „сія ученость—не для чувашъ“, замѣчалъ Филаретъ.

знаемъ, близкій къ Макарію человекъ (его родной братъ, въ предисловіи къ виленскимъ проповѣдямъ) говорить, что виленскія проповѣди не всё сохранились для насъ потому, что не всё *были своевременно записаны*. Что это значитъ? Значить ли то, что у Макарія былъ обычай предавать письмени свои проповѣди *посль* произнесенія ихъ, иначе—что не писаніе предшествовало произнесенію, а произнесеніе писанію? Очень можетъ быть, что для нѣкоторыхъ проповѣдей это было такъ, и при томъ было не только въ Вильнѣ, но и въ другихъ мѣстахъ (ср. выше рассказъ о проповѣди въ Коломнѣ); написаніе могло послѣдовать позднѣе произнесенія, къ чему, конечно, давала удобство и извѣстная краткость его словъ; но большинство рѣчей, безспорно, не импровизаціи, но рѣчи частію предварительно даже и написанныя, а во всякомъ случаѣ плодъ не только не минутнаго, но даже, вѣроятно, и не часоваго вдохновенія, а обычной умственной работы привычнаго къ мышленію человека. До епископскаго сана всё проповѣди потому уже должны были быть писанными предварительно, что тогда и Макарій подчиненъ былъ одному съ всѣми общему закону—закону предварительной цензуры⁸⁾, тогда въ особенности строго блюдомому, да и очевидно это были проповѣди по назначенію, или по крайней мѣрѣ по приглашенію. При томъ и по характеру и содержанію своему онѣ требовали кропотливаго отношенія къ себѣ: по преимуществу это—не собраніе увѣщательныхъ изреченій, которыя безъ ущерба дѣлу могли быть пероставлены въ какомъ угодно порядкѣ, а наше традиціонное „изслѣдованіе“ предмета! Самые дни, на которые въ Петербургѣ былъ Макарій назначаемъ (главнѣйшіе изъ царскихъ, недѣля Православія, Великій Пятокъ) были днями выдающимися въ церковномъ году. Тоже самое должно будетъ сказать, но уже если не о всѣхъ, то о многихъ проповѣдяхъ тамбовскаго и харьковскаго періодовъ: нельзя повѣрить, чтобы говоря о прогрессѣ въ отношеніи къ христіанству предъ универ-

⁸⁾ Въ Петербургѣ, какъ мы отчасти упоминали, облегченія въ этомъ отношеніи послѣдовали уже со времени митрополита Григорія Постникова (1856—1860), издавшаго особая правила о проповѣдничествѣ, имѣвшія силу сепаратнаго мѣстнаго закона.

ситетской публикой, челоуѣкъ, привыкшій вращаться въ сферѣ фактовъ, какъ Макаріій, имѣлъ неблагоразуміе выступить предварительно по поработавъ (и не мало, судя по содержанію), когда тотъ же проповѣдникъ *приготовляется* сказать слово коломенскимъ обывателямъ, конечно, не располагавшимъ услышать рѣчь о прогрессѣ, и когда онъ же бывалъ недоволенъ, что *потратилъ трудъ* приготовления даромъ, не имѣя возможности сказать приготовленную проповѣдь. Очень возможно, что нѣкоторыя страницы его проповѣдей не стоили ему большого приготовления, потому что мысли ихъ не новыя для автора и не сейчасъ зародившіяся, но уже встрѣчавшіяся въ его Догматикѣ; слововыраженіемъ же ихъ странно было бы ему затрудняться⁹⁾. Однако и богатый запасъ учености въ отношеніи къ положительному содержанію вѣро-и-нраво-ученія, который, повидимому, такъ легко было бы утилизировать для цѣлой каеэдры, не создалъ изъ Макарія проповѣдника импровизатора, когда угодно отвергающаго свои уста для рѣчи на каеэдрѣ. Что же это? Нерадѣніе ли о дарѣ, или сознаніе скудости словеснаго таланта, дѣлающее изъ каждой сказываемой рѣчи поводъ къ душевной мукъ? Объ импровизации вообще и въ положеніи, подобномъ Макаріеву, въ частности могутъ быть два мнѣнія: одно, конечно, то, что *говорящій* на каеэдрѣ и долженъ говорить, а не читать выученное, и посему болѣе и менѣе импровизовать.

⁹⁾ Напримѣръ, мысль въ проповѣди (Слова, изд. 1891, стр. 492) о томъ, какъ „учитъ вѣра смотрѣть на наши жребіи на землѣ“ и какъ выводъ ся: мы не имѣемъ права „пренебрегать нашимъ собратомъ, занимающимъ иное мѣсто въ лѣствицѣ общественной“; эту мысль едва ли не должно будетъ признать инымъ выраженіемъ и какъ бы итогомъ мыслей, не однажды встрѣчавшихся въ его Догматикѣ. Напримѣръ: Догмат. II, § 70, гдѣ, какъ мы уже говорили выше, призываетъ уважать въ себѣ и въ другихъ достоинство челоуѣческой природы; или Догмат. I. стр. 453, гдѣ призываетъ соблюдать „взаимное общеніе, связуясь единствомъ естества и союзомъ братской любви“; ср. II, 217, гдѣ всѣ люди объявляются между собою братьями, не взирая на то, что (ibid. стр. 88) различіе людей въ общественномъ отношеніи, при всемъ единствѣ природы, признается фактомъ предустановленнымъ. Сравни также приведенное выше замѣчаніе объ отношеніи Макарія къ пессимизму и тотъ фактъ, что въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ заявляетъ, что оны не раздѣляются общей наклонности въ современности видѣть одно только дурное.

Другое—что проповѣдникъ долженъ работать за благоверменно и много, и слѣдовательно—не импровизовать, а передавать хорошо обдуманное и хорошо словесно выраженное, потому, конечно, что и хорошая мысль дѣйствуетъ тогда только, когда она *хорошо* выражена, т. е. точно, естественно, безъ мукъ рожденія, сопровождающихъ иногда невыношенную мысль. Какая же система будетъ лучше? Можно думать и представляется правдоподобнымъ, что только закоренѣлая рутинна будетъ считать импровизацію по крайней мѣрѣ *не всегда* лучшимъ приѣмомъ. Но вотъ какія оригинальныя мысли мы встрѣчаемъ у одного изъ новѣйшихъ педагоговъ. Онъ ставитъ вопросъ: почему у насъ, въ Россіи, мало людей, умѣющихъ хорошо говорить? Отъ того, отвѣчаетъ, что въ нашемъ обществѣ существуетъ нѣсколько заблужденій, оказывающихъ вредное вліяніе на самую возможность воспитанія людей, способныхъ хорошо говорить, именно а) думаютъ, говоритъ авторъ, „будто рѣчь человѣческая только тогда можетъ быть жива и дѣйствительна, когда она импровизована, тогда какъ заблаговременное обдумываніе (будто бы) сушитъ, охлаждаетъ порывъ фантазіи, блескъ образовъ: это заблужденіе крайне вредно“. б) „Источникъ нашего неумѣнья хорошо говорить въ значительной мѣрѣ основанъ на нѣкоторомъ недомысліи, благодаря которому даръ слова считается благодатію свыше“, туне безъ всякаго труда даруемою. Словомъ, по мнѣнію этого наблюдателя, одна изъ причинъ неумѣнья передать въ ясныхъ выраженіяхъ то, что хочешь сказать, есть, какъ авторъ выразился, „вѣра въ магическое дѣйствіе экспромпта“. По мнѣнію автора, дѣло должно обстоять, если хотимъ хорошо сказать, совсѣмъ не такъ: „кропотливость помарокъ бываетъ не въ ущербъ свѣжести языка“, вслѣдствіе чего, стало быть, существуютъ и выгоды писанія рѣчей на бумагѣ по аналогіи съ извѣстными педагогамъ выгодами письменнаго рѣшенія математическихъ задачъ. Итакъ, по мысли автора, нужно разсѣивать, а не поощрять мысль, что ораторъ можетъ образоваться безъ того, чтобы понести тяжкіе приготовительныя труды для того, чтобы раскрыть въ себѣ даръ слова. Это—вообще. А за тѣмъ отсюда, по автору, совсѣмъ не заслуживаетъ поощренія и мысль, что кто хочетъ хорошо сказать рѣчь, тотъ не нуждается предвари-

тельно въ тратѣ бумаги и чернилъ. И въ доказательство этого авторъ указываетъ на лучшихъ свѣтскихъ писателей: мы любуемся ихъ языкомъ, ихъ образами, но мы не подозреваемъ, что эти крылатыя слова—выстраданныя слова, а не слова импровизаціи ¹⁰⁾. —Что же будетъ удивительнаго, если Макарій или Филаретъ (который то же не полагался на импровизацію) упредили въ своемъ пониманіи дѣла современныхъ педагоговъ и журналистовъ, иначе, что не импровизирующій Макарій не свидѣтельствовалъ тѣмъ же о своей скудости, ни о непониманіи дѣла?—За тѣмъ, неудивительно это и съ другой стороны: однажды Филаретъ въ отвѣтъ на сообщеніе одного изъ предстоятелей церковныхъ, что онъ рѣшился готовить поученія церковныя не прежде, какъ во время литургіи, высказалъ слѣдующее: „нѣкоторые благоговѣйные люди, говорилъ Филаретъ, замѣтили, что предстоятель долженъ предшествовать всѣмъ, находящимся въ церкви, непрерывнымъ вниманіемъ къ молитвѣ и къ таинству, а не оставлять оное безъ вниманія, занимаясь приготовленіемъ къ поученію“ ¹¹⁾: вотъ еще соображеніе, которое могло заставлятъ и Макарія не полагаться на экспромтъ въ способѣ предложенія своихъ поученій, а въ основательности такого соображенія усумниться едва ли возможно! Отсюда не должно быть удивительнымъ, то и Макарій писалъ проповѣди какъ въ эпоху, когда онъ едва сошелъ со школьной скамьи въ сороковыхъ годахъ ¹²⁾, такъ и тогда, когда, когда былъ въ санѣ митрополита, какъ равно не должно казаться непонятнымъ въ немъ и то, что хотя самъ онъ могъ говорить и неписанную проповѣдь, по все таки удивлялся людямъ, для которыхъ количество произносимыхъ проповѣдей было дѣломъ безразличнымъ ¹³⁾.

¹⁰⁾ Слѣдуетъ брать примѣръ съ англичанъ, замѣчаетъ авторъ, „насколько мало они вѣрятъ въ импровизацію“. Кроме того, по замѣчанію автора, „благозвучныхъ фразъ еще не достаточно для того, чтобы быть ораторомъ“,—а низведеніе ораторства до такого пониманія его, опять, и служить причиною укорененія той мысли, что хорошая рѣчь, это—рѣчь вдохновенія, а не напряженной работы. См. Вѣст. Военитанія, 1892, № 3.

¹¹⁾ Письма Филарета, изд. пр. Саввою, т. 1. стр. 20.

¹²⁾ Церковн. Вѣстн, 1883, № 9, стр. 10.

¹³⁾ Это—по отношенію къ Иннокентію. См. Вѣнокъ, стр. 32—33, гдѣ Макарій объясняетъ, почему Иннокентій могъ много проповѣдывать.

Свои проповѣди Макарій произносилъ голосомъ громкимъ и внятнымъ, какъ это помнятъ вѣроятно многіе изъ слышавшихъ его. Люди, симпатизировавшіе его личности, обыкновенно хвалятъ его произношеніе во всѣхъ отношеніяхъ ¹⁴⁾. Но здѣсь особенно должно отмѣтить то важное обстоятельство, что въ его произношеніи не отразились господствовавшіе вкусы времени его первой молодости: разумѣемъ подражаніе въ произношеніи и дѣйствованіи Иннокентію Борисову. Приемы произношенія знаменитаго витія достаточно описаны ¹⁵⁾; но было бы, пожалуй, жаль, если бы они укоренились среди русскихъ проповѣдниковъ, хотя, конечно, они имѣли достаточное противувлеченіе въ лицѣ Филарета, къ голосу котораго также прислушивались: и здѣсь Филаретъ былъ прежде всего за естественность, какъ это было и въ отношеніи къ содержанію ¹⁶⁾. Макарій скорѣе напоминалъ въ этомъ отношеніи своего знаменитаго предшественника по московской кафедрѣ, чѣмъ знаменитаго учителя краснорѣчія. Та же простота, всюду присущая Макарію, является и въ другихъ внѣшнихъ свойствахъ его

¹⁴⁾ Г. Рыбаковъ и о. Архим. Григорій. Послѣдній о вступительной проповѣди московской говорилъ: „искусная рѣчь и *искусная дикція* привели слушателей въ восторгъ“. Г. Рыбаковъ воспоминаетъ „о свободѣ и одушевленіи“ (ук. мѣста въ Прав. Обзор.).

¹⁵⁾ О. Т. И. Буткевичъ, стр. 310—311. Цитуемый авторъ объ этихъ приемахъ замѣчаетъ: „много, конечно, можно спорить о томъ, на сколько умѣтны эти приемы, не чуждые *даже нѣкотораго рода* театральности, въ дѣлѣ православной проповѣди“. Совершенно вѣрно!

¹⁶⁾ Впрочемъ ранѣе Иннокентія „приемы не чуждые театральности“ и вообще рассчитанныя на эффектъ дѣйствія встрѣчались у митр. Платона. И Платонъ, подобно Иннокентію, „иногда поражалъ слушателей неожиданнымъ движеніемъ“, говоритъ Филаретъ Гумилевскій, и приводит извѣстный примѣръ этого (Обзоръ, г. II. стр. 176). Филаретъ Гумилевскій, по нашему, здѣсь не советѣмъ безпристрастно самый успѣхъ проповѣди, т. е. заслуженную извѣстность Платона приписываетъ „искусству произношенія и счастливой наружности“ м. Платона. Но митрополитъ Филаретъ, во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, былъ всего менѣе Платоникъ, хотя и былъ прямой ученикъ Платона. Онъ и самъ по своимъ физическимъ свойствамъ не могъ быть произносителемъ, дѣлающимъ впечатлѣніе, и неодобрялъ въ принципѣ внесеніе на церковную кафедру ораторствования. См. его резолюціи, изъ коихъ видно, что за слишкомъ развязное поведеніе на кафедрѣ онъ своихъ подчиненныхъ подвергалъ даже взысканію.

проповѣди. Такъ это должно сказать прежде всего о языкѣ его проповѣдей. Въ своемъ словѣ на воспоминаніе столѣтія рожденія Карамзина Макарій высказалъ общій взглядъ на *родное слово* въ отношеніи къ его назначенію. „Родное слово, говорилъ онъ, это священное и безцѣнное орудіе, чрезъ которое распространяются въ народѣ истины вѣры и нравственности, истины науки и искусства... совершаются всѣ семейныя и общественныя сношенія“. „Родное слово— это знамя народа, вокругъ котораго собираются люди извѣстной націи, какъ родныя братья“¹⁷⁾. И конечно нельзя не согласиться съ тѣмъ, что значить *слово* человеческое въ христіанствѣ, которое не есть собраніе безмолвныхъ обрядовъ, а и просвѣщенное мысленное и словесное служеніе. И вотъ какъ свойство проповѣдническаго языка Макарія должно отмѣтить, что онъ *уважалъ родное русское слово во днѣхъ проповѣди*. Въ чемъ же выразилось это уваженіе? Макарій жилъ и дѣйствовалъ на рубежѣ двухъ эпохъ въ отношеніи къ русскому слову, какъ оно проявлялось въ русской проповѣди: въ началѣ его дѣятельности въ памятникахъ проповѣднической литературы еще встрѣчались слѣды вліянія на русскую проповѣдь старой духовной школы, создавшей людей привыкшихъ къ строгому и правильному мышленію, но въ то же время съ трудомъ поддававшихся вліянію языка пушкинскаго, которымъ теперь говорить и пишетъ образованное русское общество. Такъ въ началѣ сороковыхъ годовъ Фотій Спасскій упрекалъ Иннокентія за то, что онъ будто бы „гнушается словомъ, освященнымъ свыше: сей“, и вмѣсто его употребляетъ: *этотъ*¹⁸⁾, а митр. Филаретъ, кажется, до конца жизни и употреблялъ *сей*, хотя и не гнушался *этимъ*. Съ другой стороны, зрѣлая пора жизни и таланта Макарія падаетъ уже на то время,

¹⁷⁾ Слова, 1891, стр. 653.

¹⁸⁾ У Барсова, в. II. письмо № 16. Фотій былъ, конечно, человекъ исключительнаго образа мыслей; но онъ былъ едва ли совершенно одинокъ въ то время. Любопытно сужденіе Фотія объ этомъ предметѣ: „не гнушайся... и не смотри на лаяніе псовъ вражнихъ, но сіе слово употребляемое не замѣняй Божіе мірскимъ, священное —сквернымъ, прямое —наизворотъ. Ибо я читалъ слово единаго ученаго архіепископа, лишенаго доселѣ зрѣнія (?) и видѣлъ въ одномъ словѣ (т. е. проповѣди) нѣсколько кратъ начальныя слова: *эти* вмѣсто *сѣи*“.

когда даже и въ русской духовной литературѣ въ отноше-
 ніи къ языку появились наклонности и обычаи, заставлявшіе
 ревнителей чистоты языка сожалѣть о направленіи духа
 времени. Не одинъ Фотій, а и болѣе образованные люди
 называли образовавшійся новый духовно-литературный языкъ
 „языкомъ новой схоластики“¹⁹⁾ и даже варварствомъ по-
 ваго времени. Развизность, чтобы не сказать, разнудан-
 ность въ отношеніи къ языку начинала замѣчаться даже
 въ такомъ органѣ духовной литературы, который въ свое
 время хотѣлъ присвоить себѣ исключительное право пони-
 мать православіе: это—знаменитая „Духовная бесѣда“²⁰⁾.
 И вотъ, живи на рубежѣ обѣихъ эпохъ, Макарій не да-
 валъ своею рѣчью завладѣть ни схоластикѣ поваго времени,
 ни упорству мнѣнія, по которому *сей* является словомъ свя-
 щеннымъ, а этотъ — нечистымъ: Макарій былъ слишкомъ
 выше всего этого! Его взгляды на такъ называемую чи-
 стоту языка вообще, и въ частности на современныя ему
 направленія въ области литературы въ отношеніи къ упо-
 требленію русскаго языка, кажутся, наилучшимъ образомъ
 выражены имъ въ проповѣди по поводу юбилея баснописца
 Крылова. Какъ говорилъ Крыловъ? Отвѣчаетъ: „языкъ
 баснописца Крылова—чисто русскій языкъ, по выработан-
 ный имъ самимъ. Это —не рѣчь исключительно нашего про-
 стаго народа, съ ея иногда грубыми словами, а еще чаще
 грубыми выраженіями; не рѣчь исключительно и нашего
 образованнаго общества, съ ея не рѣдко вовсе не русскими
 словами и оборотами, съ ея чисто искусственнымъ строемъ,
 сложившимся подъ вліяніемъ инозomнаго слова. Нѣтъ, это
 такой языкъ, въ которомъ чудно слилась и первая рѣчь и
 послѣдняя, и соединилось все, что есть лучшаго въ той и
 другой... и вышла рѣчь русская во всѣхъ отношеніяхъ,
 такая, что подчасъ ее читаешь, не начитаешься, слуша-

¹⁹⁾ Филаретъ, Письмо въ Приб. къ Твор. св. Отцевъ, 1882, кн. III, стр. 60.

²⁰⁾ „Журналъ: Домашняя Бесѣда не можетъ быть одобрена къ распро-
 страненію въ духовномъ вѣдомствѣ частію потому, что неправильнымъ
 языкомъ и грубымъ тономъ рѣчи можетъ вредить здравому вкусу въ
 рѣчи“. Резолюція м. Филарета отъ 1859 года. Общее замѣчаніе его о ли-
 тературѣ того времени: „въ духовную литературу вкралось своеволие
 мысли и слова“.

ошь—не наслушаешься“²¹⁾). Можно сказать, что въ значительной мѣрѣ эти слова составляютъ какъ бы характеристику, которую можно дать самому Макарію въ отношеніи къ языку его проповѣди. Языкъ его есть истинный языкъ образованнаго богослова и такого же человѣка. Макарію въ своей проповѣди не старается снисходить до площади, или улицы—въ худшемъ смыслѣ слова; но въ то же время знаетъ, что и улица не можетъ быть совершенно пренебрежена, потомучто вѣдь и на этой улицѣ—народъ христіанскій, хотя не по пушкински выражающійся, но часто не менѣе другихъ по христіански мыслящій и чувствующій. При этомъ въ тонѣ Макаріевой проповѣди даже и тогда, когда главный составъ слушателей предполагается изъ народа, нѣтъ той, по наблюденію иныхъ, противной и самому народу фамильярности, съ которой иногда проповѣдники, обращаясь къ народу, стараются говорить съ нимъ дѣтскимъ языкомъ, трактуя людей простыхъ какъ малосмысленныхъ дѣтей. Отношенія Макарія къ простому народу выражались въ его словахъ: „снисходите до слабостей простыхъ людей и помогайте тѣмъ можете“²²⁾). Онъ дѣйствительно и снисходитъ сколько можно и въ отношеніи къ языку народа; но въ то же время это у него не означало ни снисхожденія къ языку улицы, тѣмъ менѣе—восхваленія ея воззрѣній; ни обратно—пренебреженія всѣмъ простонароднымъ. Отсюда выходило, что какъ человѣкъ образованный, сжившійся уже съ иными выраженіями, онъ употребляетъ и иностранныя слова тогда и тамъ, гдѣ онѣ являются дѣломъ совершенно безразличнымъ, на примѣръ въ университетскихъ проповѣдяхъ. Но въ то же время опять онъ не дѣлаетъ перевода удобопонятной русской рѣчи на языкъ новой схоластики—не дѣлаетъ изъ круга—циклъ и середины—центра и т. п.²³⁾, безъ чего какъ будто мы теперь

21) Слова, стр. 684—685.

22) Слова вилен., стр. 516.

23) При появленіи Догматики Макарія ему были высказываемы замѣчанія даже и за то, что онъ употребляетъ слово *religio* вмѣсто вѣры: это де слово языческое. Письм. Елпидифора, Прав. Обзор. 1888, Яив. стр. 117. Говоримъ это къ тому, какъ въ молодость Макарія твердо еще держались чистоты языка, и считали надобность въ словахъ чужихъ совсѣмъ не дѣйствительной.

не можемъ даже и помыслить о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Убѣжденіе въ достоинствѣ русскаго слова, какъ выразителя мысли, у Макарія таково, что въ университетской же проповѣди о величїи человѣческомъ онъ употребляетъ простонародную поговорку, напоминая ученому собранію, что „не мѣсто красить человѣка“ и проч. ²⁴⁾). Говоря вообще, при наблюденіи надъ русскимъ проповѣдничествомъ нельзя бываетъ не замѣтить, что языкъ проповѣди много зависитъ отъ того, какъ проповѣдникъ относится къ предмету своей проповѣди. Когда въ представленіи проповѣдника преобладаетъ главнымъ образомъ одна идея—идея важности предмета, тогда въ языкѣ и вообще въ складѣ рѣчи проповѣдника является какъ бы нѣкоторая приподнятость тона, часто выражающаяся въ усиленномъ стремленіи употреблять выраженія не часто употребляемыя, или — усиленно изыскивать новообразованія въ словахъ, что даетъ проповѣди видъ нѣкоей особой высоты слога. Когда же въ дущѣ проповѣдника, преимущественно изъ говорящихъ предъ простымъ народомъ, особенно сильно желаніе воздѣйствовать, достигнуть до сокровенныхъ движеній народнаго духа: то замѣчается или притязаніе на лаконизмъ въ рѣчи, или на такъ называемую народность рѣчи. Последняя въ особенности удастся весьма не многимъ проповѣдникамъ какъ людямъ *выученнымъ*, потерявшимъ уже непосредственную связь съ народомъ, и по-

---

²⁴⁾ Слова, стр. 585. Что старая русская духовная школа въ лицѣ своихъ питомцевъ, не очень жаловала и долго не могла примириться съ наплывомъ иностранныхъ словъ въ русскую рѣчь, объ этомъ см. любопытныя сужденія Иннокентія Борисова, въ другихъ отношеніяхъ не чуждавшагося новшествъ, у Палимпестова, воспомин., стр. 161. Иннокентію казалось страннымъ употреблять слово: гуманный. „Я положительно утверждаю, говорилъ будто бы Инвокевтіи, что иноземныя слова замедляютъ развитіе русскаго ума, удерживаютъ его отъ самобытности, самостоятельности, даже отъ сознанія своихъ силъ. А это не можетъ не сопровождаться самыми худшими послѣдствіями“. Странно обращеніе къ инымъ языкамъ, по Иннокентію, и потому, что и на русскомъ языкѣ „мы можемъ со всею полнотою свободно выражать и всѣ истины ума и всѣ движенія сердца“, *ibid.* и онъ никогда въ проповѣдяхъ не употреблялъ иностранныхъ словъ. Извѣстно также, что и Филаретъ не употреблялъ иностранныхъ словъ даже въ обыденной рѣчи, предпочитая сказать: земляная дорога мѣсто: грунтовая дорога.

тому могущимъ развѣ только поддѣлываться подъ народный образъ представленія вещей и подъ народный образъ выраженія. Въ русской проповѣднической литературѣ имѣются какъ образцы этого лаконизма, такъ и образцы притязанія на рѣчи въ уровень съ народомъ, но—одинаково признаются за неудачные и самыми снисходительными и самыми не снисходительными критиками ²⁵⁾). У Макарія же мы не встрѣчаемся ни съ этимъ приподнятымъ тономъ рѣчи, съ болѣе или менѣе удачными новообразованиями;—ни съ притязаніями на лаконизмъ рѣчи, ни съ притязаніями на народность рѣчи: въ немъ все естественно и сообразно съ его положеніемъ и образованіемъ. По мысли Макарія христіанская вѣра „значительно образовала и сохранила для насъ наше древнее родное слово“ ²⁶⁾). Поэтому, чистое родное слово, безъ насильствованія его какими нибудь новообразованиями или стремленіями къ особой выразительности; естественный тонъ рѣчи человѣка говорящаго о важныхъ предметахъ такъ, чтобы его хорошо понимали,—тонъ человѣка желающаго подѣйствовать, но—не искусственными возбужденіями искусственной мнимонародной рѣчи: вотъ стилистическій законъ, которому, несомнѣнно Макарій слѣдовалъ въ своемъ проповѣдничествѣ!

Такимъ образомъ, мы должны сказать, что Макарій не можетъ быть причисленъ къ обладающимъ тѣмъ „художествомъ въ словѣ“, которое (художество) онъ безпристрастно признавалъ одинаково какъ въ Крыловѣ съ Карамзинымъ, такъ и въ Иннокентіѣ. Да онъ и не притязалъ на необыкновенную выразительность или художественность въ словѣ. Нельзя скрыть даже того, что по мѣстамъ у него встрѣчаются обороты, которые при большей заботливости о внѣшности проповѣди и, если бы проповѣдникъ не былъ занятъ только однимъ—быть понятнымъ, были бы нѣсколько стилистичнѣе ²⁷⁾, и даже легче для чтенія, хотя на подобныя

²⁵⁾ Выдержка изъ одной проповѣди: „купаешься? Купаюсь. Въ баню ходишь? Хожу. И опять ходишь? И опять хожу“. Замѣчаніе митр. Филарета: „это ли тонъ проповѣди? Читайте святителя Тихона, и посмотрите, что такое простота церковная!“—Письма къ Высоч. особ. I. 68.

²⁶⁾ Слова, стр. 34.

²⁷⁾ Напримѣръ, Слова, стр. 584.—Мѣсто этого слова—о совершенствахъ *перваго и второрого* рода, ясное конечно въ чтеніи, могло казаться слиш-

притязанія критиковъ и Макарій, какъ и всякій проповѣдникъ, могъ бы отвѣтить словами Фенелона: „весьма мало надобно имѣть разума“, чтобы выказывать всѣ неровности, которыя найдутся и въ отличнѣйшихъ образцахъ церковнаго слова.

Но что же должно сказать о проповѣди Макарія со стороны ея формы въ собственномъ смыслѣ? т. е. съ точки зрѣнія принятыхъ дѣленій проповѣдей на слова и бесѣды, съ точки зрѣнія способа построения и т. д.?—При разсмотрѣннн проповѣдей Макарія прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то, что у Макарія нѣтъ такъ называемыхъ *бесѣдъ*, какъ формы или рода проповѣди, а есть одни только *слова*. Почему такъ? и, поелику мы имѣемъ дѣло только съ печатными изданіями проповѣдей Макарія, поставленіе всѣхъ проповѣдей его подъ титулъ „словъ и рѣчей“, не есть ли только издательскій произволь²⁸⁾, или же—не вниманіе самого автора къ школьнымъ тонкостямъ? Нѣтъ, терминологія въ обозначеннн проповѣдей Макарія по всѣмъ вѣроятностямъ принадлежитъ самому автору — съ одной стороны, ибо всѣ проповѣди Макарія, доселѣ извѣстныя, въ первый разъ появлялись въ печати при жизни автора, а съ другой—если уже обращаться къ вопросу объ этихъ тонкостяхъ, то должно будетъ признать, что выборъ авторомъ для обозначенія рода своихъ проповѣдей, въ большинствѣ ихъ, термина слова, сдѣланъ не безъ основанія²⁹⁾. При несомнѣнной сбивчивости этихъ терминовъ въ практикѣ, да и въ теоріи, сбивчивости признаваемой людьми могущими бы кажется имѣть раздѣльныя понятія о подобныхъ предметахъ³⁰⁾, и при фактическомъ почти изчезно-

---

комъ сухимъ и требующимъ усиленнаго вниманія отъ слушателя,—между тѣмъ какъ чрезъ распространеніе предложеній оно могло бы обойтись безъ этихъ ссылокъ на первый или второй родъ предметовъ.

²⁸⁾ Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ: проповѣдь на Великій пятокъ въ 1842 году въ собственномъ изданнн автора 1847 года названа *словомъ*. Но въ посмертномъ изданнн 1891 года она названа уже *рѣчью*.

²⁹⁾ 12 проповѣдей перваго изданія, несомнѣнно редактированныхъ самимъ авторомъ, всѣ получили отъ него титулъ словъ.

³⁰⁾ Митрополитъ Филаретъ, отсылая однажды въ нашъ академическій журналъ свою проповѣдь для напечатанія, отказался опредѣлительно дать какое нибудь заглавіе своей проповѣди: слова и бесѣды, и, въ шутку,

веніи истолковательныхъ бесѣдъ въ типѣ древнихъ подлинныхъ бесѣдъ, проповѣди Макарія дѣйствительно въ большинствѣ своемъ должны быть названы „словами“. Главный и едва ли не единственный устойчивый признакъ, отличающій такъ называемое слово отъ бесѣды, есть, конечно, установка и методическое раскрытіе опредѣленной темы, что за тѣмъ, разумѣется, обуславливаетъ такъ называемое „внутреннее единство“ въ проповѣди и потребность раскрытія предмета не по простой ассоціаціи представленій, а по логической схемѣ. Но этотъ наиболѣе устойчивый признакъ и обнаруживается въ преобладающемъ большинствѣ проповѣдей Макарія. Конечно, такая проповѣдь, какъ проповѣдь въ Великій пятокъ 1842 года, съ натяжкой можетъ быть названа словомъ (отчего, вѣроятно, она и мѣняла свой титулъ, какъ это видно изъ разныхъ ея изданій): это—скорѣе изліяніе чувствъ автора, или размысленія его по поводу событія (а размысленіе, конечно, не то, что вылитое въ строгую, точную форму *слово*); отъ того въ ней много восклицаній и вопрошеній. Но за то—и тѣ проповѣди, которыя самъ авторъ отказывался называть словами, а называлъ рѣчами, какъ напримѣръ, его рѣчи на праздники въ Тамбовской и Харьковской епархіяхъ—суть въ существѣ дѣла тѣ же слова, только болѣе краткія по

„предоставилъ рѣшить академическимъ ученымъ, что это слово или бесѣда“. Да и трудно было бы въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, сказать, почему „Слово“ въ день обрѣтенія мощей препод. Сергія на текстъ: *уже Христовы суть, плоть распяна* и проч. нужно дѣйствительно назвать „словомъ“, а „бесѣду“, о молитвѣ Господней на текстъ: *что Мя зовете Господи, Господи*—непремѣнно бесѣдою? Предметъ перваго: „дознаніе, что значить распять плоть со страстями и похотьми, почему сіе нужно и какъ сіе можетъ быть исполнено“; предметъ втораго—„размысленіе—о способѣ правильно и насильно употреблять молитву Господню“. Но *размысленіе* о способѣ не имѣеть ли цѣлю *дознаніе*, какой способъ и проч. и наоборотъ—*дознаніе*, что значить распять плоть, не имѣеть ли своимъ путемъ *размысленіе* объ этихъ словахъ?—Такъ шутовское замѣчаніе великаго критика дѣйствительно наводитъ на вопросъ, отъ времени сдѣлавшійся довольно сбивчивымъ.—Но конечно у Филарета, какъ и у Иннокентія, есть проповѣди, которыя дѣйствительно не могутъ уже быть названы по усмотрѣнію. Такъ у перваго бесѣда о милосердіи—типъ современной „бесѣды“ (ср. тоже бесѣду о молитвѣ духомъ и умомъ), у втораго—„паденіе адамово“ (изд. Вольфа, т. VII) представляетъ образецъ наибольшаго приближенія къ типу древнихъ гоимій.

сравненію съ усвоеннымъ обычаями размѣромъ для слова. Это обращеніе въ проповѣди къ формѣ слова, можетъ быть, было предпочитаемо проповѣдникомъ и потому, что, будучи не склоненъ, какъ мы видимъ, къ многорѣчію и расплывчатости, Макарій не имѣлъ возможности по долгу отдаваться каждой проповѣди, что по необходимости должно было бы случиться при обращеніи къ бесѣдѣ. Этому же могла способствовать привычка, пріобрѣтенная въ занятіяхъ наукою, къ отчетливости, къ вниканію прежде всего въ главное, къ тому, чтобы не разбрасываться такъ, чтобы происходило смѣшеніе существеннаго съ детальнымъ, когда часто слушатель, привыкшій хотя нѣсколько къ научнымъ приемамъ образованной рѣчи, начинаетъ теряться въ соображеніяхъ о томъ, куда клонится рѣчь и что къ чему служить. Человѣку съ такими привычками къ умственной дѣятельности, разумѣется, только и можетъ служить тематическое *слово*. Поэтому, повторяемъ, многія *рѣчи* Макарія потому только развѣ не слова, по принятой гомилетической терминологіи, что имѣютъ не привычную для слова краткость. Но тема и здѣсь ставится, трактуется и къ ней дѣлаются практическія приложения ³¹⁾.

Пріемы, съ которыми Макарій начинаетъ свою проповѣдь, и раскрываетъ ея предметъ по преимуществу, состоятъ прежде всего въ постановкѣ такъ называемаго текста, и безъ текстовъ проповѣдей у него сравнительно не много, именно около десяти, если въ число проповѣдей съ текстомъ включить и имѣющія въ заглавіи не изреченія Писанія, а

³¹⁾ Примѣры такихъ рѣчей: а) въ недѣлю св. Отецъ о томъ, сколь благотворно было бы, если бы мы дѣйствительно сознавали себя странниками на землѣ (Слова, стр. 305—308); б) объ избіеніи младнцевъ Иродомъ—въ недѣлю по Рождествѣ (ibid. 313—317); в) въ Великій пятокъ, 1858 года, гдѣ искусно поставленъ вопросъ: чему изъ гроба учить насъ божественный Учитель (ibid. 376—379); г) на Благовѣщеніе того же года—о возвышеніи человѣческой природы чрезъ истощаніе Божества (ibid. 383—385). Последняя рѣчь, напримѣръ, имѣетъ всѣ части слова, условливаемая естественною логикою человѣческаго мышленія (приступъ, дѣленіе на члены) и традиціей христіанской проповѣди (паренезисъ въ концѣ), и не удовлетворяетъ слову только потому, что не имѣетъ ясно выраженной и мотивированной темы. д) Рѣчь по освященіи церкви всѣхъ учебныхъ завед. въ Вильнѣ, стр. 97.

и изреченія церковныхъ пѣсней ³²). Какъ извѣстно, выборъ текста на практикѣ бываетъ дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, а теоретическое ученіе о текстѣ не совсѣмъ безспорнымъ. Что значить, напимѣрь, самое употребленіе текста въ проповѣди: одинъ ли обычай или нѣчто болѣе существенное, служить ли текстъ для одного только украшенія рѣчи (а иногда, если берутся грозныя обличительныя слова Писанія, для устрашенія слушателей), или проповѣдникъ чѣмъ нибудъ бываетъ обязанъ по отношенію къ тексту ³³): все это вопросы, о которыхъ трактовалъ и Еразмъ Роттердамскій съ лютеранскими гомилетами, и нашъ Теофанъ Прокоповичъ съ Іоанніемъ Галятовскимъ. Приходилось дѣлать замѣчанія и митрополиту Филарету въ родѣ тѣхъ, что „текстъ приставленъ къ проповѣди бокомъ“ и т. п. Не касаясь этихъ вопросовъ принципиально, должно однакоже согласиться, что разъ уже текстъ употребляется въ проповѣди, проповѣдникомъ въ главѣ слова поставленъ; то могутъ быть предъявлены нѣкоторыя требованія, которымъ и выборъ текста и обращеніе съ нимъ необходимо удовлетворять должны и по гомилетическому преданію, и просто по здравому смыслу, полагаемому въ основу человѣческихъ дѣйствій.—У Макарія прежде всего замѣчается преобладаніе текстовъ взятыхъ не изъ дневнаго чтенія, а произвольно, въ соотвѣтствіе предмету или темѣ проповѣди. Такой пріемъ и безъ всякихъ другихъ соображеній самъ по себѣ, конечно, можетъ представиться не совсѣмъ естественнымъ, ибо умѣстно ли говорить объ одномъ, когда все богослуженіе съ дневнымъ чтеніемъ напоминаетъ, можетъ быть, совсѣмъ о другомъ, для чего, кажется, и примѣровъ представлять не надобно? Но въ объясненіе этого пріема, съ перваго взгляда представляющагося даже какъ бы нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ установленію церковнаго года,

³²) Последняго рода проповѣдей найдется значительное число, именно около семнадцати проповѣдей; онѣ по преимуществу изъ числа довиленскихъ проповѣдей.

³³) Одинъ французскій писатель, напимѣрь, не безъ остроумія замѣтилъ, что въ проповѣдяхъ иногда *texte* бываетъ только *pretexte* оми, т. е. предлогомъ для проповѣдника говорить о чемъ хочется ему поговорить, дѣлая видъ при этомъ, будто его обязуетъ говорить о томъ сама церковь, установившая дневныя чтенія.

не нужно упускать изъ виду, что — громадное количество проповѣдей Макарія произносимо было не въ рядовые, а въ особенные дни, т. е. проповѣди его въ значительномъ количествѣ были то, что обыкновенно называютъ проповѣдями „на разные случаи“, при которыхъ, разумѣется, дневное чтеніе можетъ не имѣть ничего общаго съ случаемъ. — За тѣмъ, сравнивая всѣ изданныя проповѣди Макарія нельзя не видѣть, что нѣкоторые тексты повторяются, т. е. текстъ взять не только въ одинъ годъ, но и въ другой, и не только по одному случаю, но и по другому; и такихъ повтореній можно насчитать отъ десяти до пятнадцати, и въ томъ числѣ есть тексты, повторенные три раза ³⁴). Но объ этомъ едва ли и должно много разсуждать: что удивительнаго, если въ теченіи десятковъ лѣтъ проповѣдникъ беретъ одинъ и тотъ же текстъ два или три раза? Вѣдь проповѣди пишутся не для полнаго собранія сочиненій, а для живыхъ людей, и при томъ для людей то Харькова, то Тамбова, и ни бѣдности въ творествѣ, ни небрежности къ дѣлу здѣсь не должно искать. Извѣстно, что многопроповѣдающіе проповѣдники повторяются въ идеяхъ и даже во внѣшнихъ образахъ: что же удивительнаго, если проповѣдь на текстъ: *стойте въ вѣрѣ* сказана была не только въ Харьковѣ, но и въ Вильнѣ, ибо стоять въ вѣрѣ необходимо не только харьковцамъ, но и виленцамъ? Мало того: иногда должно бываетъ желать, чтобы тексты и, слѣдовательно, предметы проповѣди повторялись даже и у одного и того же проповѣдника, а тѣмъ паче у многихъ: ибо идеи иныхъ текстовъ такъ важны, или такъ сбивчивы въ понятіяхъ христіанскаго общества, что не даромъ и Златоустъ иногда выражался: „говорю и не перестану говорить, чтобы вы имѣли истинное понятіе о вещахъ“. Сколько, напримѣръ, проповѣдей сказано хотя бы на тотъ же текстъ о заповѣди самоотверженія и крестоношенія (Мр. VIII, 34) и сколь мало можно встрѣтить въ этихъ проповѣдяхъ годнаго для отвѣта на вопросъ: „*отвергнутъ ли себѣ* не значить ли бросить свою душу и тѣло, какъ бросаютъ ничего не стоя-

³⁴) Именно: проповѣди на слова: *иже хощетъ по Мнѣ идти* (Марк. VIII, 34); *воздадите Кесареви Кесареви...*; *Слава въ вышнихъ Богу*.

щую вещь, безъ вниманія и попеченія“³⁵⁾? И значить ли это не *беречь* тѣло? — У Макарія, при томъ, повтореніе текста, видимо, было не отъ забвенія, что когда-то (а въ одномъ случаѣ и недавно)³⁶⁾ была сказана проповѣдь на этотъ текстъ, а во вниманіе къ разнымъ сторонамъ, съ коихъ извѣстный текстъ можетъ быть подвергаемъ разсмотрѣнію, словомъ—это не повтореніе самого себя, не повтореніе содержанія. Такъ одна изъ проповѣдей на Евангел. Мар. VIII, 34 трактуеть: о томъ, для чего еще намъ нужно страдать и что именно мы должны распинать въ себѣ. (Слова, стр. 222 и дал.). Другая—о необходимости съ постомъ соединять и самоотверженіе (стр. 359). Третья, самая обширная (стр. 501 и д.), о томъ, что самоотверженіе не противно нашей природѣ и нашему самолюбію, „безъ котораго (будто бы) человѣкъ—ничто“, т. е. противъ того заблужденія, по которому самолюбіе смѣшивается съ обязанностію уваженія къ своему человѣческому достоинству и съ попеченіемъ о своемъ добромъ имени. Если припомнимъ тенденции культурныхъ слоевъ общества начала шестидесятыхъ годовъ, когда послѣдняя проповѣдь была сказана, а также и то, что мѣстомъ ея былъ университетскій городъ: то должны будемъ признать, что вопросъ о словахъ Спасителя съ этой именно стороны былъ умѣстенъ въ церковной проповѣди,—и проповѣдникъ, повторяющійся въ выборѣ текстовъ долженъ быть признанъ лишь исполнившимъ свой долгъ. Въ одномъ только случаѣ повтореніе текстовъ было бы неудобно: если бы проповѣдникъ усматривалъ въ текстѣ *сегодня* одно, а на завтра онъ усматрѣлъ бы нѣчто другое, съ прежнимъ несогласное³⁷⁾.—

³⁵⁾ Филареть, Слова и рѣчи, изд. 1848, ч 1, стр. 128.

³⁶⁾ Одна изъ проповѣдей на указанный текстъ сказана въ Сентябрь 1857 года, а другая—въ Февралѣ 1858. Третья—черезъ четыре года послѣ второй.

³⁷⁾ Конечно, это нарушеніе своего рода закона тождества по отношенію къ христіанскому ученію, которое не можетъ же утверждать объ одномъ и томъ же предметѣ противоположное, очень рѣдко встрѣчается въ твореніяхъ одного и того же проповѣдника. Но къ сожалѣнію проповѣдники часто смотрять на ученіе, въ особенности на нравоученіе христіанской церкви какъ на нѣчто, что на своей гибкости напоминаетъ законъ въ старыхъ судахъ. Такъ, сколько не рѣдко встрѣчается мысль, что желающій быть истиннымъ послѣдователемъ Христа, долженъ помнить

Требованія въ отношеніи къ самому выбору текста и къ обращенію съ нимъ, въ теоріи и въ практикѣ выработаны, по нашему мнѣнію, на столько удовлетворительно, что съ пользою могутъ быть всеми проповѣдниками прилагаемы въ ихъ дѣлѣ. Въ древности требованія отъ текста суммировала еще Златоустъ, а примѣръ отличнаго обращенія съ

что онъ долженъ оставить всякія земныя радости, всякія привязанности, даже семейныя, всякія попеченія о внѣшнемъ благоустройствѣ и т. п. Но какъ же быть человѣку желающему быть истиннымъ христіаниномъ, по который въ то же время привязанъ къ сыну, желаетъ вырастить изъ него добраго христіанина и честнаго человѣка, а потому учитъ его, воспитываетъ, вслѣдствіе чего по необходимости сталкивается съ міромъ, людьми и т. п., имѣетъ печали, по можетъ имѣть и радости, когда сынъ изъ двойкой возможности поступить или полезно или честно выбралъ послѣднюю? Подобныя ученія, провозглашаемыя съ кафедръ, конечно, могли бы въ иныхъ умахъ порождать мысль, что этика христіанства отрицаетъ начала, на которыхъ зиждется человѣческое общество, если бы это проповѣдывалось постоянно и послѣдовательно, и не встрѣчалось, такъ сказать, коррективна для однихъ проповѣдей въ другихъ проповѣдяхъ. Такъ это хотя бы у преосв. Макарія, какъ увидимъ потомъ подробнѣе. „Человѣку естественно влеченіе къ семейной жизни, говорилъ Макарій, — естественно любить своихъ родителей и всехъ единокровныхъ, и христіанинъ любить отца и мать, жену и чады; — естественно влеченіе къ радостямъ жизни, и христіанинъ не отказывается отъ радостей, освѣжающихъ душу; — естественно стремленіе къ приобрѣтенію благъ земныхъ, необходимыхъ для жизни“. Только „христіанинъ изъ любви (къ родителямъ и чадамъ) не нарушаетъ евангельскія заповѣди“: „бѣжить и отъ радостей, но тѣхъ, что воспламеняютъ страсти; блага приобрѣтаетъ всегда законнымъ способомъ, одобряемымъ совѣстію и Евангеліемъ и всегда готовъ жертвовать ими для высшихъ религіозныхъ и нравственныхъ цѣлей“ (Макарій, слова, стр. 505—506).—Кому же вѣрить, какъ же думать: должно ли оставить всякія привязанности, или привязанности эти совѣстимы съ истиннымъ христіанствомъ? „Бесѣдуя съ православнымъ христіаниномъ, говорилъ однажды Филаретъ, я могу принять за основаніе разсужденія, что потребность какого либо дѣла будетъ доказана, какъ скоро показано будетъ, что сіе дѣло требуется истиннымъ христіанствомъ и существенно соединено съ онымъ“ (Слова, т. I, стр. 222). Къ сожалѣнію проповѣдники, не воспитавшіеся въ привычкѣ къ подчиненію въ проповѣди строгимъ экзегетическимъ требованіямъ въ обращеніи съ Писаніемъ и христіанствомъ въ его цѣлостности, часто не обращаютъ вниманія на приведенныя слова Филарета—къ смущенію совѣстей, къ урону авторитета церковной кафедры. Не даромъ, при одномъ богословскомъ спорѣ было замѣчено, что въ этическихъ вопросахъ иужно оставлять въ сторонѣ то, что можно встрѣтить въ проповѣдяхъ: тутъ встрѣчается и нѣчто взаимно противорѣчивое, и къ руководству не всегда годное.

выбраннымъ текстомъ мы можемъ видѣть у Филарета. Златоустъ *всякій* текстъ, а, конечно, въ томъ числѣ и заглавный, или „текстъ“ по нашей искусственной терминологіи, считалъ справедливымъ приводить тогда, когда приводится не одно только отдѣльное изреченіе напримѣръ: *едино тѣло, единъ духъ*—и только!), но—когда отрывокъ взять такъ, что видѣнь и весь ходъ рѣчи Писанія, — о *комъ* оно (*изреченіе*) сказано, кѣмъ, кому, для чего, когда и какъ! „Потому что—разсуждалъ Златоустъ—недостаточно сказать о чемъ нибудь, что оно написано въ писаніяхъ и не должно, выхватывая слова и отрывая члены отъ тѣла богодухновенныхъ Писаній, брать ихъ отдѣльно и безъ взаимной ихъ связи“. Образцовое же обращеніе съ выбраннымъ текстомъ находимъ у митр. Филарета въ одной изъ проповѣдей на четвертую недѣлю поста. Въ чемъ это видѣть должно? Филаретъ, конечно, даетъ отвѣтъ предъ слушателемъ прежде всего на Златоустовскій вопросъ: кто сказалъ взятыя слова (Мр. VIII, 34). За тѣмъ изслѣдуетъ, „при какихъ обстоятельствахъ изречена сія заповѣдь“. За тѣмъ говорить—„дабы этой заповѣди послѣдовать, надобно вразумиться (выразумѣть), что значитъ отвергнуться себя и взять крестъ“, для чего расчленяетъ текстъ на двѣ половины согласно его содержацію: выразумѣвъ, Филаретъ ставитъ вопросъ о томъ, „правильно ли такое разумѣніе заповѣди самоотверженія“, и доказательство правильности видитъ „въ намѣреніи, съ которымъ она произнесена“, въ концѣ же всего дѣлаетъ приложение выразумѣннаго къ слушателямъ, такъ какъ текстъ заключаетъ въ себѣ не безразличное изреченіе, а заповѣдь, т. е. руководственный принципъ. Очевидно, что текстъ не только ни на минуту не упускается изъ виду проповѣдникомъ, но онъ-то и составляетъ центръ слова, и правоученію проповѣди является въ ней словомъ Господнимъ, а не словомъ проповѣдника, что, конечно, составляетъ идеальную задачу всякой проповѣди. Какъ мы видимъ, Филаретъ въ этой проповѣди достаточно обоспываетъ предъ слушателемъ даже тотъ порядокъ, въ которомъ онъ ставитъ вопросы для изслѣдованія текста, что не можетъ не внушать довѣрія къ экзегетической добросовѣстности проповѣдника даже въ слушатель, не склонномъ къ пассивной восприимчивости. Тѣмъ болѣе,

конечно, при такомъ отношеніи къ тексту по справедливости должно будетъ сказать, что здѣсь дѣйствительно проповѣдь существуетъ для текста, а не текстъ для проповѣди, а въ послѣднемъ случаѣ главнымъ образомъ и практикуется то, что Филаретъ именовалъ: приставка текста бокомъ. — Теперь, какія же данныя въ проповѣдяхъ Макарія для сужденія о его проповѣдничествѣ съ этой стороны? Безспорно у него есть проповѣди, въ которыхъ текстъ выбранъ по тому самому критерию, о которомъ говорилъ Златоустъ, и отношеніе къ тексту, не обинуясь скажемъ, филаретовское. Примѣръ этого — хотя бы въ проповѣди о поклоненіи духомъ и истиною ³⁸⁾. Тоже есть и въ другихъ случаяхъ ³⁹⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по необходимости текстъ долженъ былъ быть взятымъ совершенно произвольно, именно въ словахъ на особые случаи, и когда моментъ церковнаго года по необходимости уступаетъ особому моменту, выборъ текста часто оказывается въ полномъ соотвѣтствіи съ предметомъ, намѣченнымъ для проповѣди. Когда, на примѣръ, проповѣдникомъ взята тема: о содѣйствіи счастію ближнихъ; то, конечно, текстъ: *воздадите всѣмъ должная* будетъ самый естественный и именно для Макаріевой проповѣди, потому что, по мысли проповѣдника — „содѣйствовать счастію другъ друга, а не противодѣйствовать, наша обязанность, наше призваніе въ обществѣ“; а — „какъ содѣйствовать, а не противодѣйствовать, на это и указываютъ“ взятая въ видѣ текста слова Апостола. „Воздадите всѣмъ должная: первѣе по закону справедливости, а потомъ по закону любви“ — разсуждаетъ проповѣдникъ, — вмѣсто того, чтобы снѣдать другъ друга, и счастье каждаго получить приращеніе, а не умаленіе ⁴⁰⁾! Если же прибавить, что слово это предназначено было для

³⁸⁾ Слова, изд. 1891, стр. 400 и д.

³⁹⁾ Къ такимъ относимъ: Слова, 358, гдѣ слова текста объяснены въ своемъ происхожденіи, т. е. сказано, чья это (Лук. XXII, 28) рѣчь. Тоже: Слова виленскія, стр. 67 и стр. 97, гдѣ взятые тексты имѣютъ, такъ сказать, дату, и не могутъ быть приписываемы слушателями тому, кому они не принадлежатъ. Слово, стр. 194, начинается указаніемъ, кому изреченіе текста принадлежитъ. Проповѣди, начинающіяся объясненіемъ текста: Слова, стр. 398; также Слова москов. стр. 94.

⁴⁰⁾ Слова, стр. 495.

новаго года, когда слово: счастье такъ часто повторяется; то должно будетъ признать, что и тема и текстъ были весьма обстоятельствамъ соответствующи. Или еще примѣръ: предположивъ говорить въ тѣ дни нашей исторіи, когда, говорилъ проповѣдникъ, „мы *жаждемъ* преобразованій, *видимъ* преобразованія“ въ нашей жизни, проповѣдникъ взялъ тему о необходимости начать отнынѣ и наше собственное „внутреннее преобразование и обновленіе, и *прежде всего умственное*“. Къ этой темѣ онъ взялъ и текстъ: *преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего*. И опять текстъ въ полномъ соответствіи съ темой не потому только, что въ немъ есть слово *преобразуйтесь* и слово *умъ* (бываетъ вѣдь и такъ), а потому, что, по мысли проповѣдника, (справедливой или несправедливой — это другой вопросъ) преобразование *обновленіемъ ума*, котораго желалъ апостоль, выражаетъ собою именно то самое, чтò въ эпоху преобразованій потребно было въ значительной мѣрѣ и русскому народу: проповѣдникъ намекалъ, что обновленіе ума, обновленіе въ смыслѣ просвѣщенія темныхъ массъ и насажденія подлиннаго просвѣщенія между просвѣщенными внѣшне высшими классами, есть скорѣе *условіе*, нежели слѣдствіе преобразованій ⁴¹⁾. И потому, не нужно ли и въ самомъ дѣлѣ прежде всего „преобразоваться обновленіемъ ума“? Или еще: взявъ тему „о взаимномъ уваженіи и любви между сословіями“, проповѣдникъ беретъ текстъ: „да не будетъ распри въ тѣлеси, но да равно единъ о другомъ пекутся уди (1 Кор. XII, 25), доказывая въ проповѣди, что „взаимное уваженіе званій и состояній общественныхъ потребно и въ гражданскомъ и въ христіанскомъ смыслѣ“, и это—одно изъ благъ, „котораго надобно, даже весьма надобно пожелать намъ, какъ сынамъ Россіи“ ⁴²⁾. Соблю-

⁴¹⁾ Это мы видимъ въ словахъ указываемой проповѣди о людяхъ болѣе образованныхъ: „мы въ состояніи разглагольствовать о хорошихъ и слабыхъ сторонахъ нашего общественнаго быта. Но когда общество и правительство потребуютъ людей, которые бы шли впереди по пути разныхъ усовершенствованій, сумѣли бы приложить ихъ къ дѣйствительности: тогда оказывается наша крайняя бѣдность“ и проч. Слова, стр. 543.

⁴²⁾ Слова, стр. 490. Другіе примѣры того же можно указать: слово о христіанскомъ самоотверженіи въ отношеніи къ самолюбію; текстъ: Марк. VIII, 34 (Слова, стр. 501). Рѣчь на новый 1868 годъ съ пожеланіемъ обществу

деніе этого гомилетическаго правила о соответствіи текста предмету проповѣди, если уже самъ текстъ не составляетъ этого предмета, есть фактъ, къ которому проповѣдникъ видимо всегда стремился (ср. слово о Крыловѣ). Но на сколько фактъ этотъ имѣетъ исключеній, или, точнѣе, не выдержанъ въ Макаріевой проповѣднической практикѣ?—Было бы недостойно, конечно, имени великаго человѣка, если бы мы стали скрывать отъ себя, что въ его проповѣдяхъ (конечно только изданныхъ) встрѣчается и нѣчто такое, что обыкновенно и справедливо не считается приѣмомъ вѣрнымъ въ отношеніи къ теоріи употребленія текста. При этомъ, впрочемъ, мы также должны заранѣе сказать, что эти нарушенія нашихъ теорій такъ всеобщы и постоянны, такъ усвоены въ практикѣ, что если бы судить по этому факту, то должно было бы признать истинной теоріей то, что видимъ, что такъ часто дѣлается, а не то чему учатъ въ школахъ. Такъ а) текстъ бываетъ иногда взятъ на столько кратко, что ясность его *самого по себѣ взятаго* становится почти невозможной. Такъ едва ли можно было бы думать объ удовлетворительности въ воспріятіи разумніемъ слушателей текста: *едино тѣло, едины духъ*. Предложите Златоустовскіе вопросы слушателю относительно этого текста, и вы убѣдитесь, что отвѣты на эти вопросы дать было бы затруднительно. А разъ и по выслушаніи проповѣди свѣдѣнія относительно поставленнаго текста и пониманіе его не умножатся (а въ данномъ случаѣ въ этомъ является сомнѣніе), поставленіе текста должно быть признано излишнимъ,

---

правды, какъ предмета чаянія христіанъ, связаннаго съ чаяніемъ новаго неба и новой земли; текстъ: 2 Петр. III. 13,—чаянія, о которомъ умѣстно напомнить и на новый годъ (Слова, стр. 677). Слово на 17 Января того же года, въ университетской церкви въ Харьковѣ,—о томъ, что христіане „въ книгѣ природы могутъ находить и читать Слово Божіе, которое читаютъ въ своей священной книгѣ — Библіи“ (Слова, стр. 680); текстъ: *небеси повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 2). Слово къ воспитанницамъ виленскаго спархіальнаго училища о томъ, что лучшее руководство въ житейскомъ морѣ—Законъ Божій; текстъ: *свѣтильникъ ногама моима законъ Твой* (Слова вилен. стр. 93). Слово при освященіи церкви всѣхъ учебныхъ заведеній въ Вильнѣ; текстъ: *оставите дѣтей приходить ко Мнѣ* (ibid. 97). Рѣчь предъ открытіемъ Московской выставки 1882 года; текстъ: *человѣкъ рождается на трудъ* (Иов. V, 7) (Слова москов. стр. 120). Слово въ недѣлю св. Отца (Слова, стр. 413) и др.

сколь бы много прецедентовъ тому ни имѣлось ⁴³⁾). Есть и не мало другихъ случаевъ, гдѣ приходится сказать, что если понятна непосредственно сама проповѣдь, то отношеніе взятаго текста къ проповѣди, вслѣдствіе самой его краткости, познается лишь догадочно ⁴⁴⁾. б) Есть случаи, что поставленному тексту удѣляется мало вниманія и потому онъ является какъ бы только орнаментомъ, вызываемымъ обычаемъ. Текстъ въ проповѣди на новый годъ: *не имамы здѣ пребывающаго града*, кажется, заслуживалъ бы особеннаго вниманія потому, что въ проповѣди возбуждается вопросъ о томъ, достижимо для человѣка счастье *на земль*, иначе — „можетъ ли *земля* удовлетворить вполнѣ потребностямъ нашего существа“ (конечно, по замѣчанію проповѣдника, „не о животныхъ потребностяхъ рѣчь, а о потребностяхъ собственно человѣческихъ“) ⁴⁵⁾, а на основаніи этого текста отрицается иногда не только возможность „полнаго удовлетворенія для всѣхъ высшихъ потребностей души“, но умалывается самый смыслъ настоящей человѣческой жизни и даже является совершенно порицательное отношеніе ко всякому попеченію о жизни, — чего, какъ увидимъ, не раздѣлялъ въ своихъ воззрѣніяхъ и самъ Макарій. в) Встрѣчаются случаи, относительно которыхъ можно сказать, что здѣсь взятый проповѣдникомъ текстъ могъ бы быть опущенъ какъ ничего не дающій для содержанія проповѣди, или же какъ имѣющій лишь вербальное, а не ма-

⁴³⁾ Слова, стр. 424.

⁴⁴⁾ „Святѣй да святится еще“ — въ рѣчи въ Святогорскомъ монастырѣ. Текстъ не упоминается въ продолженіи рѣчи; но, очевидно, онъ относится къ мысли: „болѣе и болѣе должны умножаться иноческіе труды“ *ibid.* 593—594. — Не упоминается ни однимъ словомъ въ самой проповѣди взятый въ заглавіи ся текстъ также еще: Слова, стр. 628: *азъ есмь путь и истина и животъ*. Тема этой проповѣди: „въ состояніи ли наука замѣнить для насъ христіанство“, а конечный выводъ изъ трактата: „безцѣнна наука въ своей собственной области, но она не освѣтитъ своимъ свѣтомъ міра высшаго, какъ освѣщаетъ христіанство, не въ состояніи преобразовать, какъ преобразуетъ христіанство, не можетъ быть такой учительницей, какою является въра Христова“ (*ibid.* 637). Текстъ, очевидно, можетъ быть приуроченъ лишь подразумѣвательно и лишь къ конечному выводу проповѣди, что, конечно, въ цѣляхъ общедоступности проповѣди обыкновенно избѣгается.

⁴⁵⁾ *Ibid.* стр. 627.

теріальное отношеніе къ ней. Къ первой категоріи можно отнести слѣдующее: одна проповѣдь начинается такъ: „*время рыдати и время ликовати*. А у насъ нынѣ вмѣстѣ и то и другое: и время радости и время глубокой скорби: къ радости зоветъ архангелъ Гавріилъ, къ сѣтованію — Спаситель поруганный, потерпѣвшій позорную смерть“ и пр. (Слово въ день Благовѣщенія, совпавшаго со днемъ великаго пятка). Взятый текстъ совершенно ничего не прибавляетъ къ содержанію проповѣди, не даетъ никакого отѣнка мыслямъ ея и потому, очевидно, совершенно могъ быть оставленъ, тѣмъ болѣе, что изреченіе Ветхозавѣтнаго мудреца клонится къ благоразумному не смѣшенію обоихъ состояній, а проповѣдникъ склоняется къ тому, что и то и другое для христіанъ теперь—время совмѣщенія! Ко второй категоріи должно отнести текстъ при словѣ на юбилей Крылова: „и глагола имъ притчами много“ (Мѡ. XIII, 3), ибо конечно здѣсь связь между текстомъ и предметомъ проповѣди можетъ быть только одна: *притча* — въ текстѣ и *притча* Крылова. Проповѣдникъ и самъ, конечно, видѣлъ это и потому то, можетъ быть, съ благородной прямою оговаривается поставивъ текстъ, что „эти самыя слова *воспоминаются* и при имени человѣка“, говорившаго притчами много⁴⁶⁾. Иногда, впрочемъ, связь текста съ содержаниемъ проповѣди бываетъ слишкомъ ощутительна и безъ всякаго объясненія со стороны проповѣдника, и потому текстъ, не смотря на то, что проповѣдникъ не занимается имъ въ самой проповѣди, не остается приставленнымъ какъ бы праздно. Что, на примѣръ, можно лучше поставить заглавнымъ текстомъ къ слову надъ гробомъ С. М. Соловьева и въ виду того, что намѣренъ былъ сказать проповѣдникъ о почившемъ, какъ не слова текста: *подражатели мнѣ бывайте?* хотя въ прямое отношеніе текстъ къ содержанію слова не поставленъ⁴⁷⁾. г) Можно указать на

⁴⁶⁾ Слова, стр. 684. Нельзя признать также совершенной необходимости. въ текстѣ: *Азъ есмь савѣтъ міру*, поставленномъ въ словѣ на день 15 Іюля, хотя, конечно, слово это—о *просвѣщеніи*, которымъ Владиміръ просвѣтилъ Россію.

⁴⁷⁾ Въ словѣ о томъ, „съ какою цѣлію мы все родились въ міръ“ текстомъ взято: „*скажи ми, Господи, путь. въ онъ же пойду*“ (Слова,

проповѣдь, гдѣ поставленный въ заглавіи текстъ относится скорѣе къ второстепенной, чѣмъ къ главной мысли проповѣди или по крайней мѣрѣ скорѣе къ одной части ея содержанія, нежели ко всей совокупности его. Такъ вторичное слово (о первомъ мы упоминали) на текстъ: *не имамы здѣ пребывающаго града*, сказанное по освященіи церкви въ учебномъ заведеніи, содержаніемъ своимъ имѣетъ напоминаніе, что „только при совмѣстномъ, дружномъ дѣйствіи и вліяніи на насъ *школы и церкви* мы можемъ получить образованіе вполнѣ человѣческое“, такъ какъ „задача образованія—приготовить способности человѣка такъ, чтобы онъ могъ выполнить не только земное свое назначеніе, но и небесное“: ибо „не для одной земли мы рождаемся на землѣ, но *вмѣстѣ и для неба*“⁴⁸): къ этой послѣдней мысли, очевидно, только и относится избранный текстъ. — Есть, наконецъ, случаи, когда проповѣдникъ какъ бы особенно подчеркиваетъ поставляемый имъ текстъ, заявляя, что онъ не безъ особеннаго намѣренія ставитъ этотъ текстъ во главѣ своего слова, и нельзя бываетъ не согласиться, что это такъ и должно было быть въ цѣляхъ его церковнаго учительства⁴⁹!—Наконецъ, въ отношеніи къ вопросу о томъ:

стр. 112). Здѣсь текстъ можетъ быть выводомъ, нравственнымъ приложеніемъ проповѣди, потому что, говорилъ проповѣдникъ, „не зная цѣли своего рожденія въ міръ, мы не можемъ избрать къ ней и надлежащаго *пути*, а не зная *пути*, никогда не достигнемъ своего предназначенія“: очевиденъ смыслъ обращенія человѣка къ Творцу съ молитвою объ указаніи пути, но не очевидно не посредственное отношеніе текста къ темѣ. Точно также и въ другой проповѣди съ тѣмъ же текстомъ (ibid. 201) болѣе значенія имѣетъ самое слово: путь, нежели *смысл* текста, и вообще этотъ текстъ здѣсь можетъ составить скорѣе только подразумѣваемое приложеніе въ проповѣди, но не основу ея содержанія. — Но какъ бы въ образецъ того, какъ должно обращаться съ текстами, подобными тексту: „скажи мнѣ“ и проч., Макарій оставилъ намъ рѣчь предъ дворянскими выборами въ Харьковѣ: поставивъ слова: „Господи, настави мя правдою Твоею“ (Пс. V; 9), проповѣдникъ какъ будто бы въ началѣ самой рѣчи, когда слушатели обыкновенно бываютъ воспримчивѣе, хочетъ вперить въ умы ихъ то, для чего онъ напоминаетъ имъ эти слова, именно: *что бы они нынѣ молились этими словами по преимуществу, ибо правда теперь имъ всего потребнѣе* (Слова, стр. 590)!

⁴⁸) Слова вилен , стр. 72—78.

⁴⁹) Кромѣ указаннаго въ предыдущемъ примѣчаніи, см. также слово противъ тамбовскихъ молоканъ, Слова, стр. 254, *не вѣсте ли, яко храмъ*

гдѣ должно полагать причину встрѣчающагося у Макарія повторенія текстовъ, здѣсь можно сказать: частію повтореніе самыхъ случаевъ, по которымъ проповѣди говорились (праздники въ учебныхъ заведеніяхъ, царскіе дни) вызывало на такое повтореніе текстовъ; частію причиной этого было, кажется, то, что есть несомнѣнно въ церковномъ году такіе дни, въ которые извѣстный текстъ представляется наилучшимъ образомъ выражающимъ сущность церковнаго празднованія, и потому таковой текстъ не однимъ Макаріемъ обычно повторяется, но и другими проповѣдниками, какъ на примѣръ текстъ о самоотверженіи—въ недѣлю крестопоклонную, о раздѣленіи между Кесаревымъ и Божиимъ—въ дни царскіе, или ангельская пѣснь при Рождествѣ Господа—на день Рождества. А ко всему этому должно прибавить, что въ иныхъ случаяхъ становится жаль, что проповѣдь на тотъ же текстъ не повторена и въ другой разъ: такъ много бываетъ оригинальнаго въ воззрѣніяхъ Макарія на иные предметы, что отъ повторенія проповѣди на тотъ же текстъ русская гомилетическая литература не сдѣлалась бы скучною...

Когда въ гомилетическихъ изслѣдованіяхъ начинаютъ говорить о содержаніи проповѣдей того или другаго проповѣдника, то здѣсь обыкновенно говорятъ или стараются говорить на вопросъ: *о чемъ* проповѣдывалъ извѣстный проповѣдникъ. При этомъ какъ бы неизбежнымъ условіемъ рѣчи является классификація проповѣдей то по ихъ заглавіямъ и назначенію на то или другое церковное время, то по эпохамъ жизни самаго проповѣдника. Съ чѣмъ же мы подойдемъ въ этомъ отношеніи къ Макарію? Макарій, какъ мы уже знаемъ, если мѣрить его количествомъ проповѣдей, былъ не многорѣчивый проповѣдникъ; вслѣдствіе этого,

---

Вожій есте. Слово на текстъ: *заповѣдь новую даю вамъ* (Слова, 447; текстъ повторенъ въ рѣчи предъ открытіемъ земскаго собранія, *ibid* 614. Слово въ Тамбовѣ въ годовщину вступленія на тамбовскую епархію, на слова: *благодать Господа нашего Иисуса Христа* (Слова, стр. 416), — гдѣ проповѣдникъ мотивируетъ и то, почему онъ *вторично* беретъ это текстомъ для проповѣди, и др. Въ словѣ на текстъ: *се есть животовъ чинный* (Слова, стр. 413) онъ обращаетъ вниманіе съ самаго начала на то особенно, чтобы слушатели не дѣлали изъ этого текста носнѣшнихъ выводовъ, и нѣкот. др..

разумѣтся, отдѣльные классы проповѣдей у него не поражаютъ многочисленностію номеровъ, что въ свою очередь дѣлаетъ не возможнымъ слѣдовать обычному критическому приему: давать характеристику проповѣдей того или другаго класса въ отличіе отъ класса сосѣдняго. Такъ мы сказали, что у Макарія и обычно называемыя „рѣчи“ иногда имѣютъ всѣ свойства словъ, равно какъ не рѣдко и наоборотъ: онъ говоритъ на одинъ и тотъ же текстъ и рѣчь въ Семинаріи, и рѣчь предъ обширнымъ обществомъ на новый годъ, — въ университетской церкви на годичномъ актѣ, и—при погребеніи епископа. Стало быть, классификація его проповѣдей по различіямъ въ названіяхъ или формахъ собесѣдованій или же по особенностямъ случаевъ и времени сказыванія, не дастъ чего либо устойчиваго и характернаго. Тоже должно сказать и въ отношеніи къ различію по предметамъ: предметы довольно сходные встрѣчаются въ проповѣдяхъ по весьма несходнымъ случаямъ. Но, можетъ быть, эпохи его собственной жизни даютъ какія нибудь твердыя грани для различенія свойствъ его проповѣдей въ отношеніи къ содержанію? Конечно и а priori должно ожидать, что не то будетъ проповѣдь человѣка едва выступившаго въ жизнь, и проповѣдь человѣка, десятки лѣтъ работавшаго надъ наукою, или проповѣдь пока зауряднаго какъ и всѣ работника, взглядывающаго, что дѣлается вокругъ него, не обезпеченнаго отъ естественной подражательности другимъ и—полномочнаго по божескимъ и человѣческимъ законамъ епископа и даже вообще признаннаго богословскаго авторитета. Но такъ это и въ дѣйствительности: та характеристика проповѣдничества Макарія въ отношеніи къ содержанію, которую можно дать періоду (приблизительно) до половины пятидесятихъ годовъ, уже не безусловно можетъ быть приложима къ проповѣдямъ дальнѣйшаго времени. Если точнѣе опредѣлить этотъ періодъ, то его можно назвать доепископскимъ, потому что, въ промежутокъ между рѣчью при нареченіи Макарія во епископа, въ Январѣ 1851 года, до самаго слова на погребеніе митрополита Никанора въ концѣ 1856 года,—а въ первой половинѣ 1857 года Макарій выбылъ уже въ Тамбовъ—мы имѣемъ въ качествѣ гомилетическихъ трудовъ Макарія всего двѣ краткія рѣчи, — которыя, конечно, не

могутъ чего либо прибавить къ его гомилетической характеристикѣ, чтобы составился терминъ: „проповѣдничество первой половины пятидесятихъ годовъ“, и такимъ образомъ понятіе проповѣдей доепископскаго періода почти совпадаетъ съ понятіемъ другимъ: періодомъ петербургскимъ. Характеристику содержанія проповѣдей за этотъ періодъ можно свести къ слѣдующимъ⁵⁰⁾ чертамъ: замѣтная расположен-

⁵⁰⁾ Вотъ предметы главнѣйшихъ изъ немногочисленныхъ проповѣдей Макарія въ до-епископскій періодъ его жизни (при чемъ мы исключаемъ три слова надгробныхъ, такъ какъ въ надгробномъ словѣ по необходимости индивидуальность проповѣдника не могла цолучать рѣзкаго выраженія, хотя и здѣсь встрѣчаются черты нѣкоторыхъ особенныхъ воззрѣній его). 1. Слово на Рождество Христова 1841 года—о томъ, что „безконечныя совершенства Божіи ни въ чемъ не открывались предъ нами такимъ совершеннѣйшимъ образомъ, какъ открылись въ воплощеніи“, съ цитацией изъ отцевъ церкви (Слова, стр. 2). 2. Слово въ Великій пятокъ 1842 года,—о жертвѣ, „принесенной Сыномъ Божиимъ для примиренія насъ съ вѣчной правдой“ (ibid. стр. 9 и дал.). 3. Слово въ день св. Александра Невскаго—о добродѣтеляхъ святаго (любовь къ вѣрѣ и отчизнѣ), какъ образецъ для нашего подражанія (ibid. стр. 13). 4. На св. Пасху 1843 года—о важности воскресенія Христова въ дѣлѣ нашего спасенія (ibid. 21). 5. Слово въ недѣлю православія 1844 года—о томъ, что „православная вѣра есть наше первое благо и потому, что мы—люди, и потому, что мы—сыны Россіи“ (ibid. стр. 32). 6. Слово въ Великій пятокъ того же года—разсмотрѣніе того, „о чемъ вѣщаетъ намъ крестъ“, и какъ можно „приложить къ жизни нашей его вѣщанія“ (стр. 41). 7. Слово на 30 Августа того же года—о томъ, почему воспоминаемъ въ этотъ день событія—(заключеніе Нейштадскаго мира, перенесеніе мощей св. Александра Невскаго и торжество тезоименитства Наслѣдника Цесаревича)—особенно близки „къ обитателямъ сего престольнаго града“, т. е. Петербурга (слово: первопрестольный, стр. 45, вѣроятно редакторскій недосмотръ). 8. Слово въ день Пасхи 1845 года—о благотворнѣйшихъ „дѣйствіяхъ воскресенія Христова на небѣ и на землѣ, и въ преисподней“ (ibid. стр. 52 и д.). 9. Въ день св. Николая того же года—о благотворности союза между церковію и отчествомъ“ (ibid. 68 и д.). 10. Слово по избраніи судей (ibid. стр. 62)—о важности служенія въ санѣ судіи. 11. Слово въ Великій пятокъ 1846 года—о томъ, что „на крестѣ нашего Господа начертана для насъ сущность всего Евангелія“ (ibid. стр. 80), т. е. „законы вѣры, надежды и любви“. 12. Слово въ день коронаванія 1846 года—о томъ, что „ничто никогда столько не способствовало воспитанію истинной любви къ отечеству, сколько способствуетъ вѣра Христова“ (ibid. стр. 90). 13. Слово въ день Пасхи 1847 года—о томъ, сколь „великъ день воскресенія Христова“ какъ день, „которымъ окончилось и заключилось дѣло искупленія“ (ibid. стр. 103). 14. Слово въ день рожденія Государыни 1847 года о томъ, „съ какою цѣлю всѣ мы родились въ міръ“ (ibid. стр. 112). 15. Слово въ

ность трактовать вопросы положительной догматики, и нѣкоторая отрѣшенность отъ жизни; — какъ бы нѣкоторое опасеніе оказаться оригинальнымъ на столько, чтобы выдѣлиться своимъ образомъ пониманія вещей, — вслѣдствіе этого наряду съ идеями оригинальными встрѣчаются и такія идеи, которыя какой либо индивидуальной черты именно Макарія не составляютъ ⁵¹⁾, и это какъ въ теоретической такъ и въ практической части проповѣдей, — отъ чего въ свою очередь на первый взглядъ представляется, что едва ли проповѣдникъ окажется какую нибудь индивидуальную черту и въ массѣ дальнѣйшихъ проповѣдей; обращеніе къ учености, видимымъ выраженіемъ чего служитъ цитация и вообще экскурсія въ область исторіи, а одна проповѣдь построена по неупотребительной теперь (по встрѣчающейся у Филарета и у Иннокентія) схемѣ, подобной схемѣ построения диссертаций съ тезисами. Нѣкоторые изъ этихъ проповѣдей, кажется, нельзя признать и общедоступными. Ибо проповѣдь на тему, напримѣръ: *сущность Евангелія начертана на крестѣ*, и развитіе этого положенія требуетъ, конечно, усиленнаго вниманія при достаточной подготовкѣ въ богословіи. Слишкомъ много специально богословскаго элемента должно признать еще и тамъ, гдѣ проповѣдникъ развиваетъ мысли, напримѣръ, о томъ, въ чемъ чрезъ воскресеніе Христово „измѣнилось небо и не перестаетъ измѣняться

небѣлю православія 1848 года — о томъ, сколь пагубно вольномысліе въ дѣлѣ вѣры (ibid. 118). 16. Слово въ день св. Александра Невскаго тѣго же года — о тѣхъ урокахъ, кои предлагаетъ намъ жизнь святаго (ibid. 125). 17. Слово въ Великій пятокъ 1849 года — о томъ, „сколько много въ мрачной картинѣ голговерской свѣтлаго и утѣшительнаго для душъ вѣрующихъ“ (ibid. 132). 18. Въ день рожденія Государыни въ тотъ же годъ о томъ, что „безъ благочестія все другія средства къ процвѣтанію земнаго отечества или вовсе недостаточны или мало надежны“ (ibid. 140). 19. Въ день св. Николая въ 1850 году — о тѣхъ „наставленіяхъ, кои этотъ наставникъ церкви предлагаетъ своею жизнію намъ, какъ сынамъ церкви и какъ сынамъ отечества“ (ibid. 170).

⁵¹⁾ Напримѣръ, значеніе Ниптадскаго мира (ibid. 46—47), конечно, велико, но пріемъ автора не будетъ ли повтореніемъ пріемовъ проповѣдниковъ петровской эпохи, когда это и подобныя событія нужно было освѣщать какъ бы нѣкоторымъ религіознымъ освѣщеніемъ? А за тѣмъ, будетъ ли естественна мысль, что слушатели проповѣдника, какъ жители столицы, суть тѣ лица, которымъ особенно близко это событіе (стр. 50)?

по отношенію къ намъ, людямъ“³²⁾, и перечисляются: перемѣны первая, вторая и т. д. Слово, конечно, отъ того явилось выдержаниѣе, и все въ немъ предусмотрѣно, а какъ бы попутно высказана и такая богословско-практическая идея, относительно которой мы, по ея важности даже для настоящаго времени, будемъ еще говорить. Но при всемъ томъ является неизбѣжной мысль, что вѣроятно только немногіе умы были въ состояніи послѣдовать за проповѣдникомъ въ сферы горнія, въ область чистаго богословскаго созерцанія, хотя, конечно, дерзновенно было бы отважиться сказать, что слово это било лишь воздухъ, но не слухъ и сердце человѣческое. Встрѣчаются идеи, которыя не представляли собою ничего выдающагося надъ зауряднымъ проповѣдничествомъ, и образъ пониманія предмета какъ будто бы уравнивалъ и Макарія съ неискушеннымъ въ области мысли человѣкомъ, и это притомъ можно указать въ вопросѣ, имѣющимъ важное нравственно-практическое значеніе³³⁾ Но тѣмъ не менѣе уже и въ проповѣдяхъ этого періода нельзя не видѣть указаній на то, что проповѣдникъ намѣчаетъ себѣ — идти не всегда тою дорогою, которая проложена раиѣе. Не будемъ гадать о томъ, проявилось ли бы достаточно оригинальность Макарія, если бы исторія его личной жизни и наша общая исторія съ половины пятидесятихъ

³²⁾ Слова *ibid.* 58.

³³⁾ Такъ, „въ настоящемъ нашемъ состояніи истинная наша любовь къ себѣ можетъ выражаться только въ одномъ: въ самоотреченіи, въ самоумерщвленіи. Отъ чего такъ? Отъ того, что все, что только есть въ насъ, все это проникнуто ядомъ грѣха, есть какъ бы одинъ живой грѣхъ, нечистота и духовная скверна“ (*ibid.* стр. 85. Сказано въ 1844 году). Позднѣе взгляды на то, въ чемъ выражается самоотреченіе, у Макарія является въ томъ видѣ, въ какомъ это и у Филарета: „самоотверженіе христіанина, говоритъ Макарій, состоитъ въ томъ, что христіанинъ всего себя посвящаетъ исполненію нравственнаго закона, *положеннаго въ самомъ существѣ нашей души* и изъясненнаго въ Евангеліи, и отрекается и удаляется отъ всего, что запрещаетъ нравственный законъ, что есть грѣхъ или влечетъ къ грѣху“ (*ibid.* 504). Обобщая дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, Макарій говоритъ: „словомъ: христіанинъ отвергается не отъ ума своего, но отъ своеумія въ области вѣры,—не отъ воли, а отъ своеволія,—не отъ потребностей и влеченій своей природы, но отъ злоупотребленія ими, отъ *всего, что есть въ насъ грѣховнаго* или влекущаго къ грѣху“ (*ibid.* 506). Очевидно, понятія: *все, что есть въ насъ, проникнуто ядомъ грѣха, и—все, что есть въ насъ грѣховнаго* — не тождественны.

годовъ не приняли такого направленія, какое въ дѣйствительности приняли. Но что въ содержаніи этихъ двадцати проповѣдей перваго періода есть и задатки того, что яснѣе *потомъ* выразилось и отличило Макарія, такъ сказать, отъ многихъ другихъ, это не особенно трудно замѣтить, и это, какъ мы упоминали, дастъ разумѣть, что по отношенію къ Макарію не столько бываетъ важенъ вопросъ: *о чемъ* онъ проповѣдывалъ, сколько вопросъ: что и какъ проповѣдывалъ. Такъ въ содержаніи проповѣдей этого перваго, нѣсколько особнякомъ стоящаго, періода проповѣдничества мы встрѣчаемъ указаніе на такіе вопросы, которыми мы и теперь, почти полстолѣтіе спустя, занимаемся, даемъ имъ рѣшеніе, и не можемъ этого не дѣлать, потомучто къ инымъ изъ таковыхъ вопросовъ съ издавна какъ и теперь приковано вниманіе человѣчества. Вотъ, наиримѣръ, одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, который имѣетъ значеніе не только для знанія, для школы, но главное — для благочестія. Недавно какъ бы нѣкое открытіе въ области богословія, открытіе, котораго до сихъ поръ не понимали богословы по профессіи, провозглашена была однимъ любителемъ богословскаго вѣдѣнія теорія „полезныхъ обидъ и разореній“, которая гуманность будто бы напрасно хочетъ стереть съ лица земли, ибо-де христіанство долгое благоденствіе и покой души считаетъ вреднымъ,—и что вообще *всѣ* мечты о водареніи правды и благоденствія на землѣ несбыточны *съ точки зрѣнія истиннаго христіанства*. Въ глазахъ христіанина подобная мечта противорѣчитъ прямому и очень ясному пророчеству Евангелія объ ухудшеніи человѣческихъ отношеній подъ конецъ свѣта (міра)... „Братство *по возможности* и гуманность дѣйствительно рекомендуется Св. Писаніемъ для загробнаго спасенія личной души; но въ Св. Писаніи нигдѣ не сказано, что люди посредствомъ этой (т. е. „рекомепдованной“ Св. Писаніемъ) гуманности дойдутъ до мира и благоденствія“. Итакъ—„христіанство всеобщаго благоденствія на землѣ не обѣщало“, потомучто „обиды“, все, что противно нашему благоденствію, это полезно для спасенія, а благоденствіе вредно ⁵⁴⁾. Эта реабилитация Ирода съ Аттилой и съ другими подобными

⁵⁴⁾ Русскій Вѣстн. 1892, № 4, стр. 283.

производителями многихъ обидъ челоѳчеству, сознаемся, намъ попалась въ руки въ то время, когда мы изучали Макарія. И вотъ еще почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ подобные богословцы имѣли уже отвѣтъ въ проповѣдяхъ Макарія—въ проповѣди о томъ, каковы были для людей слѣдствія воскресенія Христова, сказанной Макаріемъ въ 1845 году. Конечно, проповѣдникъ признавалъ, что первичное слѣдствіе воскресенія—насажденіе церкви Христовой. Но „въ насажденіи церкви Христовой на землѣ положено начало къ совершенному обновленію лица земли, къ искорененію *всѣхъ* бѣдствій, какимъ только подвергся родъ челоѳческій вслѣдствіе грѣхонаденія... Укажите на бѣды и скорби житейскія, сопровождающія насъ до гроба?“ И Макарій то же признаетъ *полезное* значеніе скорбей, т. е. полезное въ качествѣ *педагогическаго* средства въ рукахъ Промысла; но въ то же время онъ отвѣчаетъ намъ, что мы сами едвали имѣемъ право *содѣйствовать тому*, чтобы ближніе наши имѣли возможность пользоваться примѣненіемъ средства этого: Провидѣніе и безъ нашихъ заботъ и предусмотрительности найдетъ потребное для цѣли средство! Поэтому Макарій говорилъ: противъ всѣхъ бѣдствій челоѳческихъ церкви дано надежнѣйшее средство; по этому „не думайте, чтобы мало по малу не искоренялись церковью и самыя бѣдствія нашей жизни, хотя для насъ это вовсе не замѣтно: пѣтъ, они *необходимо* должны искореняться вслѣдъ за тѣмъ, какъ искореняются причины ихъ — наши грѣхи: они искоренятся на землѣ совершенно, *когда потребится на ней всякое беззаконіе*“. „Укажите ли на послѣднее зло, свирѣпствующее на землѣ, на этотъ всеобщій вопль окружающій насъ твари? Но по мѣрѣ, того, какъ совершается церковью очищеніе отъ грѣховъ рода челоѳческаго, необходимо ослабляются и горестныя послѣдствія ихъ въ самой внѣшней природѣ, облегчается тяготѣющая надъ нею суета, уменьшаются ея совоздыханія! Вся земная тварь обновляется мало по малу уже однимъ существованіемъ на землѣ святой церкви... Удивительно ли, если всѣ стихіи земной природы, обновляясь и укрѣпляясь въ теченіи многихъ вѣковъ, произведутъ, наконецъ, по гласу Всевышняго совершенное обновленіе земли и полное

освобожденіе твари отъ работы ислѣнія?“⁵⁵⁾ Вотъ отвѣтъ, тогда еще молодаго, богослова тѣмъ, кто беспокоится о томъ, чтобы гуманисты и въ самомъ дѣлѣ не уничтожили бы существованія полезныхъ несчастій земныхъ, вопреки будто бы намѣренію самаго христіанства, признающаго вреднымъ долгое земное благоденствіе⁵⁶⁾. Бѣдствія жизни, какъ Макарій замѣчалъ это при другихъ позднѣйшихъ случаяхъ, существуютъ вовсе не потому, что они кому нибудь въ какой нибудь цѣли нужны какъ какое либо благо, а просто отъ нашей человѣческой *порочности*. „Отъ чего происходитъ большая часть нашихъ бѣдствій въ жизни?“ спрашиваетъ Макарій, и отвѣчаетъ: отъ „недостатка взаимной христіанской любви между нами! Мы завидуемъ другъ другу, полагаемъ препятствія на пути, не желаемъ другъ другу уступить, оказатьнисхожденіе, и страдаемъ, страдаемъ много другъ отъ друга. А какъ все улучшилось бы вокругъ насъ, если бы все начали водиться искреннимъ христіанскимъ братолюбіемъ! Сколько свѣта и радости пролилось бы въ нашу скорбную жизнь!“ За недостаткомъ любви, какъ источникомъ бѣдствій, слѣдуетъ признать недостатокъ *правды*. Когда, говорилъ въ другой разъ Макарій, мы сами обновимся правдою, „какъ обновится и преобразится все не только въ насъ, но и вокругъ насъ! Сколько прекратится скорбей и бѣдствій, которыя мы нынѣ терпимъ другъ отъ друга по своимъ неправдамъ! Какъ мирно потечетъ жизнь домашняя и общественная!“ Слова ангельской пѣсни о мирѣ на землѣ *оправдаются*, по тогда, по мысли Макарія, „когда законъ истиннаго Бога содѣлается главнымъ руководительнымъ началомъ во взаимныхъ сношеніяхъ всѣхъ земныхъ царствъ“⁵⁷⁾: а если это не будетъ достигнуто, то никакъ не по предустановленію Бога мира! Поэтому самому, т. е. что бѣдствія происходятъ отъ

⁵⁵⁾ Слова, стр. 53—56.

⁵⁶⁾ Въ существѣ дѣла эта якобы богословская мысль есть мысль германскаго стратега Мольтке, какъ извѣстно, признававшаго вреднымъ слишкомъ долгій миръ, продолжительное пребываніе народовъ безъ войнъ, такъ какъ миръ, будто бы, способствуетъ развитію матеріальныхъ инстинктовъ народовъ, тогда какъ война отрываетъ отъ этого матеріализма и пробуждаетъ ослабѣвшіе инстинкты къ идеальному.

⁵⁷⁾ Слова, стр. 449. 686. 679.

нашего собственнаго зла, хотя иногда и преклоняются къ добру распоряженіемъ Провидѣнія, Макарій, какъ увидимъ въ послѣдствіи, не считалъ противнымъ христіанству заботы объ усовершеніи земной жизни, которая хотя временна и, такъ сказать, условна, но и не должна быть *необходимо* таковой, каковой здѣсь можетъ сдѣлать ее зло физическое и зло нравственное, при полномъ отсутствіи противодѣйствія ему!—Итакъ: смѣшеніе значенія бѣдствій, когда они въ рукѣ Провидѣнія являются очистительнымъ орудіемъ для человѣка, уготовляемаго къ царствію Божію (Филаретъ), съ значеніемъ, какое они имѣютъ какъ прямое послѣдствіе человѣческой грѣховности, слѣдовательно, зла— вотъ чего въ этомъ вопросѣ о бѣдствіяхъ всегда пужно остерегаться и противъ чего такъ давно мы имѣли уже предостереженіе въ проповѣдяхъ Макарія! ³⁸⁾ Стало быть,

---

³⁸⁾ Въ основѣ этой теоріи лежитъ скрытая теорія непротивленія злу, такъ какъ противленіе злу является въ глазахъ этихъ богослововъ лишеніемъ себя права на награду, по разсужденію, что „горе, обида, разореніе, по христіанскому воззрѣнію, есть посвященіе Божіе“, и отстраненіе разоренія есть поэтому отстраненіе этого посвященія (Русск. Вѣстн. *ibid.*). Но здѣсь забывается, что даже теорія непротивленія злу не требуетъ непремѣнно того, чтобы зло существовало какъ неизбежное средство осуществленія добра. Евангельскій взглядъ на непротивленіе злу тотъ, что не противленіе можетъ быть—не для поддержанія *ли въ грѣмахъ полученія награды* для непротивляющихся, а въ концѣ концовъ все таки *для уничтоженія зла*. Иначе придется признать необходимость существованія вора, дабы можно было кому простить украденное,—необходимость кому нибудь быть избитымъ, чтобы добродѣтель Самаритянина могла имѣть свое приложеніе. Кажется, это хорошо разъяснилъ Златоустъ слѣдующимъ образомъ: Златоустъ, какъ извѣстно, не видялъ никакой условности въ повелѣніи: *хотяшему ризу твою влѣти отпусти ему и срачицу*. „Что же?“ предвидитъ возраженіе Златоустъ: неужели мнѣ самому ходить, скажешь ты? Не были бы мы наги (свѣчаетъ Златоустъ), если бы въ точности исполняли сіи повелѣнія: *напротивъ, еще были бы гораздо лучше всѣхъ одѣты*. Во первыхъ потому, что никто не нападетъ на человѣка, имѣющаго такое расположеніе духа; а если бы и напелся кто, что дерзнулъ бы и на сіе, то еще болѣе, безъ сомнѣнія, напало бы такихъ, которые такого человѣка покрыли бы не только одеждами, но если бы было возможно и самую плотію своею“. То есть, изъ несопротивленія злу нутями, по видимому, ведущими только къ поощренію и сохраненію зла, произошло оправданіемъ непротивленія, а не боязню, что противляясь злу истребимъ спасительное для насъ разореніе (Златоустъ, бесѣд. на Матѣ.

не очень справедливо богословствованіе, утверждающее, будто „мечта о водвореніи правды на землѣ противорѣчитъ ясному пророчеству Евангелія объ ухудшеніи человѣческихъ отношеній на землѣ“, и потому будто попытка водворить правду на землѣ и желать этого водворенія есть нѣчто какъ бы равносильное покушенію—не дать осуществиться пророчеству: это только невинное покушеніе—желать, чтобы человѣческое нечестіе поослабѣло, и если такое желаніе нечестиво, то, конечно, нечестива и мечта о добрѣ и правдѣ, естественное слѣдствіе которыхъ и земное благоденствіе человѣка!

Въ этомъ же періодѣ проповѣдничества Макарія какъ бы были заложены и основы его взглядовъ на другіе вопросы, имѣющіе отношеніе къ христіанской этикѣ, и—уже встрѣчаются намеки того, что, какъ бы противъ воли самаго проповѣдника, одна преобладающая идея начинаетъ просвѣчивать въ нравственномъ наставленіи Макарія всегда, когда къ тому представляется возможность: это идея христіанской любви какъ высочайшей нормы нравственной жизни. Но прежде всего укажемъ на слѣдующее. Безъ сомнѣнія, во все времена прежде довольно было говорено о томъ, сколь много лежащій во злѣ міръ даетъ претыканій ищущимъ пути спасенія. Но при этомъ иногда явственно было смѣшеніе міра съ обществомъ человѣческимъ, хотя казалось бы довольно давно богословамъ проповѣдникамъ указуемо было начало для возможности различенія между обоими понятіями³⁹⁾, и отсюда являлась склонность къ тому, чтобы отрицать возможность существованія на землѣ *христіанскаго* общества, т. е. такого, въ которомъ условія спасенію противодѣйствующія были бы въ наименьшей

ч. I. стр. 372). Посему то, заключаетъ свои слова Златоустъ, „не будемъ почитать невозможными новелѣнія Господа“: напротивъ—„онѣ и полезны и весьма удобны къ исполненію, если только мы будемъ бодрствовать“, а недостатокъ духовнаго бодрствованія и ведетъ къ забвенію мысли о любви, какъ основномъ законѣ христіанства, каковое забвеніе въ свою очередь служитъ основою существованія безчисленныхъ бѣдствій на землѣ.

³⁹⁾ Златоустъ о томъ, что такое осуждаемый міръ, который и долженъ быть осуждаемъ, однажды замѣтилъ: „порочныхъ людей Писаніе обыкновенно называетъ *міромъ*“ (Бесѣд. на I посл. къ Корин. ч. I стр. 284), и онъ самъ, кажется, твердо держится этой терминологіи).

степени, и пребываніе въ которомъ давало бы жизнь спасительную, давало въ немъ возможность дѣятельности тоже спасительной, такъ какъ абсолютный покой не есть начало спасительное. Итакъ, что же такое „общество“ по своему происхожденію въ экономіи созданнаго Богомъ міра—вопросъ, важный для того, чтобы христіанинъ могъ отпестись къ обществу правильно? „Каждое существо въ мірѣ, говорилъ Макарій, прежде всего обязано быть тѣмъ, чѣмъ быть создано, а потому и каждый человѣкъ прежде всего обязанъ быть *человѣкомъ*“. Въ чемъ же выразится наше желаніе исполнить это обязательство быть *человѣкомъ*? „Богъ даровалъ намъ извѣстныя силы, извѣстныя способности, извѣстные законы: нашъ первый долгъ — соблюсти эти силы, способности и законы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ пріяли изъ рукъ Творца, во всей ихъ чистотѣ, цѣлости и неповрежденности, и потомъ пользоваться этими силами, развивать ихъ, усовершенствовать, словомъ — *жить и дѣйствовать*, (но) не иначе, какъ по тѣмъ самымъ законамъ, какіе начертаны въ нашей совѣсти и сердцѣ. *Тогда мы точно будемъ людьми*, тѣмъ, чѣмъ должны быть по намѣренію своего Создателя. Сія то жизнь и дѣятельность по нравственнымъ законамъ и будетъ святость наша“ (Кол. IV, 3) ⁶⁰⁾. Но во первыхъ, можетъ быть—это только идеаль философа, не основанный на положительномъ повелѣніи христіанской этики; а во вторыхъ—жить и дѣйствовать по нравственнымъ законамъ стало уже понятіемъ условнымъ, не говоря уже о томъ, что, какъ выразился самъ Макарій, „можно даже изумить людей своею дѣятельностью и трудами“ и даже совѣмъ не преступной дѣятельностью, но въ то же время и не христіанской. Но у Макарія находимъ и рѣшеніе того, что значить жить въ христіанскомъ смыслѣ, а отсюда видимъ, *почему и общество внѣшнее не только можетъ не препятствовать*, а быть и почвою для жизни истинной, не смотря, такъ сказать, на внѣшность этой жизни. Это—именно: назначеніе наше — въ абсолютномъ смыслѣ—въ Богѣ: „Господь есть послѣдняя цѣль нашихъ стремленій“ ⁶¹⁾; но въ смыслѣ временномъ, земномъ, „наше

⁶⁰⁾ Слова, стр. 613.

⁶¹⁾ Ibid. стр. 116.

назначеніе заключается въ нашихъ ближнихъ“, и отсюда, стало быть, самый этотъ ближній, изъ совокупности единицъ котораго состоитъ общество — не помѣха жизни по законамъ нравственнымъ, или иначе — общество само по себѣ не только не противно цѣлямъ спасенія въ христіанствѣ, но общество есть какъ бы арена для совершенія добродѣтели, и не совокупность людей (общество) даетъ препону добродѣтели, а наше отношеніе къ людямъ. Мы приведемъ нѣсколько пространное разсужденіе Макарія по этому предмету. Его тезисъ: „наше назначеніе заключается въ нашихъ ближнихъ“. Развитіе этого тезиса таково:

„Посмотрите на окружающую насъ природу, найдете ли вы въ ней хотя одно существо, которое бы жило совершенно отдѣльно отъ прочихъ и только для самого себя? Совсѣмъ напротивъ: вы увидите, что тамъ всѣ созданія Божіи существуютъ не столько для себя сколько на служеніе другъ другу. Чему на примѣръ не служатъ (*даже такіа вещи въ природѣ какъ*) огонь, вода, воздухъ и прочія стихіи? Чему не служатъ камни, растенія и животныя? Въ природѣ все соединено самыми тѣсными, неразрывными узами, все содѣйствуетъ другъ другу, все поддерживается, развивается и процвѣтаетъ не иначе, какъ посредствомъ взаимнаго самопожертвованія существъ, простирающагося нерѣдко до пожертвованія жизнью. Такъ точно должно быть и между нами, и должно быть даже въ совершеннѣйшемъ видѣ, потомучто мы лучшія изъ созданій Божіихъ на землѣ, которымъ подобаешь не столько подражать перазумнымъ тварямъ, сколько быть для нихъ образцомъ. Мы должны понимать, что для того именно Творецъ и *надѣлялъ каждого изъ насъ различными способностями и дарованіями, чтобы мы, нуждаясь другъ въ другъ, тѣмъ тѣснѣе соединялись между собою въ благоустроенныя общества* и пользовались взаимною помощію. Должны памятовать, что мы братья между собою, какъ дѣти одного отца небеснаго... Все у насъ одно, и начало и конецъ... и потому все естественно влечетъ насъ другъ къ другу, и побуждаетъ жить не только для себя, но и для ближнихъ, *пособлять имъ всеми мѣрами*, и, въ случаяхъ нужды, жертвовать для нихъ самую жизнь... Въ частности мы, христіане, должны памятовать еще объ

одномъ своемъ родствѣ — родствѣ въ Иисусѣ Христѣ, Который для того между прочимъ и взойшелъ на крестъ, ... чтобы изъ всѣхъ людей составить единое стадо, единое царство Божіе ⁶²⁾). Итакъ, происхожденіе того факта, что люди соединяются въ общество — божественное, предустановленное ⁶³⁾, въ цѣляхъ нравственныхъ: относительная цѣль существованія человѣка — въ его ближнемъ, и слѣдов. ближній какъ бы нуженъ каждому изъ насъ, чтобы осуществить законъ дѣятельности для ближняго. Положеніе это богато выводами и само по себѣ; по эти выводы въ другихъ мѣстахъ указать и самъ проповѣдникъ. Такъ, очевидно, предустановленный фактъ временной жизни не можетъ быть самъ по себѣ вреденъ для вѣчныхъ цѣлей — для достиженія спасенія: вредно можетъ быть злоупотребленіе имъ; а идеальное правильное отношеніе къ этому факту положительно полезно и для вѣчной цѣли: пужно лишь не заслонять отъ себя истинныхъ цѣлей того, для чего намъ предоставлено быть въ обществѣ: т. е. — приуготовленія посредствомъ условныхъ временныхъ подвиговъ для ближняго къ безусловной вѣчной цѣли (ср. „наше назначеніе — въ нашихъ ближнихъ“). Посему въ обществѣ можетъ быть и дѣятельность такая, которая *спасительна*, и стало быть уклоненіе отъ дѣятельности вообще — еще не составляетъ неизбѣжнаго условія спасенія. „Святая вѣра. говорилъ Макарій, мало того, что заповѣдуетъ намъ постоянное трудолюбіе, и строго осуждаетъ всякое перадрѣніе и лѣность, она учитъ насъ вмѣстѣ, что *чрезъ ревностное* и достойное употребленіе дарованныхъ намъ отъ Бога талантовъ мы можемъ получить и *вѣчныя* воздаянія отъ небсваго Домовладыки, и что тотъ, кто по своей лѣности и перадрѣнію скроетъ ввѣренный ему талантъ въ землю, *а не употребитъ его ни пользу общую*, будетъ вверженъ нѣкогда во тьму кромѣшную“. Словомъ, какъ въ другомъ мѣстѣ выразился Макарій, „Господь поставилъ насъ въ обществѣ, чтобы мы пользовались имъ въ жизни“, и посему не только пребываніе въ обществѣ является дѣломъ

⁶²⁾ Ibid. стр. 115. Тоже 127.

⁶³⁾ То же самое встрѣчается и въ Догматикѣ (выдержку смотр. въ главѣ I).

предустановленнымъ, но создаются чрезъ это извѣстныя *обязанности* по отношенію къ обществу, и на всѣ наши общественныя обязанности „св. вѣра кладетъ свою священную печать, всѣмъ имъ даетъ значеніе и цѣну въ очахъ Самого Господа, всѣ связываетъ нѣкоторымъ образомъ съ нашею вѣчною участіемъ въ жизни загробной, то есть, предлагаетъ намъ къ исполненію этихъ обязанностей такія побужденія, выше которыхъ для человѣка быть не можетъ“ ⁶⁴). Самъ Господь до Своего общественнаго служенія былъ „мирный, трудолюбивый и полезнѣйшій гражданинъ“ ⁶⁵), то есть, давъ законъ общественности, Самъ подчинился ему, считая его совмѣстимымъ съ своимъ божественнымъ достоинствомъ! Что касается до противодѣйствій содѣлывать свое спасеніе, встрѣчаемыхъ въ обществѣ, то Макарій умоляетъ *не согрѣшать* мыслию, что общество будто можетъ быть причиною лишенія спасенія. „Васъ поставилъ Вседержитель на такой степени въ обществѣ, гдѣ вы непрестанно обременены многочисленными трудами и заботами, такъ что вамъ кажется не только труднымъ, но и почти невозможнымъ позаботиться о спасеніи души своей? О, не согрѣшайте такою мыслию, не оправдывайте этимъ отступленія отъ закона Божія“, и онъ указываетъ на одинъ изъ извѣстныхъ примѣровъ спасенія человѣка, неслага сложныя общественныя обязанности ⁶⁶). Что Господь создалъ человѣка на пребываніе въ обществѣ, эту мысль Макарій и впоследствии выражалъ не разъ. Поэтому онъ утверждаетъ, что человѣкъ какъ бы обязанъ къ признанію авторитета общества въ извѣстномъ отношеніи, и къ совѣстливому отношенію къ нему. „Два руководителя и помощника въ жизни даровалъ намъ Господь, говоритъ онъ: собственный разумъ и общество людей, въ которомъ мы родились и живемъ. И всякій знаетъ, околько иногда истинной, существенной, незамѣнимой помощи, сколько ободренія, утѣшенія и живыхъ радостей находимъ мы въ обществѣ нашихъ ближнихъ“ ⁶⁷) и все это не составляетъ собою

⁶⁴) Ibid. 95—96.

⁶⁵) Ibid. стр. 97.

⁶⁶) Ibid. стр. 129.

⁶⁷) Слова вилен. стр. 68—69.

грѣховной преграды къ достиженію человѣкомъ его абсолютной цѣли.

Наконецъ, какъ мы сказали, нельзя не замѣтить, что уже въ этотъ періодъ въ проповѣдничествѣ Макарія является тяготѣніе къ одному предмету, который впоследствии часто и часто, при различныхъ случаяхъ, подъ различными покровами, по во всякомъ случаѣ какъ бы любимой нотой выступаетъ въ проповѣдяхъ Макарія: это, какъ онъ однажды выразился, „законъ любви“ христіанской. Уже и здѣсь, въ первыхъ двадцати проповѣдяхъ нельзя не замѣтить этого довольно замѣтнаго мотива ⁶⁸). Не смѣемъ приравнивать Макарія къ Златоусту, о которомъ принято выражаться какъ о проповѣдникѣ любви; но будемъ обязаны сказать, что у Макарія уже рано обнаруживается отвращеніе отъ всего, что противно, какъ онъ выразился, обязанности быть человѣкомъ, что напоминаетъ или вызываетъ страданія, принужденіе, исключительность, жестокость, одну голую справедливость безъ милосердія (*Summum jus!*), споръ, словопреніе, фанатизмъ религіозный или общественный; и напротивъ всегда, какъ бы безъ всякихъ расчетовъ на оказательство у него является сочувствіе ко всякой пощадѣ всего слабого, — ко всему, что предназначаетъ прекращеніе слезъ и стонovahъ, — со страданіе ко всему слабому, сочувствіе ко всему, что ограничиваетъ неправду и подаетъ надежду быть правдѣ. И это не потому, чтобы онъ мыслилъ видѣть рай на землѣ, хотя, какъ увидимъ, не находилъ причины и того, почему человѣкъ старается такъ усиленно сдѣлать здѣшній міръ мѣстомъ предварительныхъ мученій рода человѣческаго (хотя не всегда для себя, а болѣе для подобнаго себѣ!), а потому, что все это вытекаетъ или связано съ основной положительной заповѣдію данной христіанамъ: любви къ ближнему, — заповѣдью, которая дана просто къ исполненію, а не для критики и мнительнаго изслѣдованія того, что въ самомъ дѣлѣ послѣдуетъ, если мы исполненіемъ этой заповѣди вмѣсто мукъ голода и паготы, стонovahъ и слезъ, устроимъ для людей нѣкоторое подобіе блаженства на землѣ,

⁶⁸) См. стр. 42. 85. 97. 144. И „сущность общественной жизни требуетъ отверженія эгоизма и любви“, *ibid.* стр. 75.

вопросъ, которымъ часто бываетъ непрочъ заняться чело-
вѣческое праздномысліе! „Мы призваны“, говорилъ Макарій
какъ бы опасаящимся довести до послѣднихъ выводовъ
основной законъ христіанской этики, „мы призваны вооб-
разить въ себѣ Христа (Галат. IV, 19); слѣдовательно
нашъ долгъ вообразить въ себѣ и Его пламенную любовь“
къ людямъ, безъ боязливаго опасенія о томъ, къ чему въ
концѣ концовъ приведетъ это. — Но въ этомъ періодѣ
проповѣдничества Макарія относительно этой идеи мы пока
можемъ прибавить одно: замѣчательно, что въ это же время
свѣтскій писатель, можетъ быть наиболѣе чувствовавшій по
христіански, именно — Гоголь, болѣлъ преобладаніемъ той же
мысли, которая чувствительна была и въ проповѣдяхъ Макарія.
Около половины сороковыхъ годовъ (1844) Гоголь писалъ:
„уже крики на безчипства, неправды, даже вопль всей
земли“ слышатся; „но прямой любви еще не слышно ни
въ комъ“. Какъ извѣстно, Гоголь, развивая ту мысль, что
и „любовь къ Богу мы получаемъ въ любви къ братьямъ“,
давалъ совѣтъ: „идите же въ міръ и приобрѣтайте прежде
любовь къ братьямъ“⁶⁹⁾. Это совпаденіе идей, по моему,
замѣчательно!

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Кипарисовъ.

---

⁶⁹⁾ Письма къ друзьямъ, № 18.